

ВЕСТНИК

Уполномоченного по правам человека в Иркутской области

«Все что мы слышим, - это мнение, а не факт.
Все, что мы видим, - это точка зрения, а не истина»

Марк Аврелий

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА

Jus est ars boni et aequi — право есть искусство добра и справедливости

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Рада приветствовать вас на страницах очередного номера журнала «Вестник Уполномоченного по правам человека в Иркутской области».

В рамках моей деятельности как Уполномоченного по правам человека, как государственного органа Иркутской области, просто как человека, стремящегося максимально профессионально выполнять свою работу, немаловажное, а нередко решающее, значение имеет мнение специалиста, эксперта в той или иной сфере научного знания или правоприменительной деятельности. Ведь аксиомичным является постулат о том, что применение инструментов правовой защиты без глубокого осмысления их с позиций доктрины и анализа правоприменительной практики невозможно.

Именно в целях оказания консультативной помощи при Уполномоченном по правам человека в Иркутской области создан и активно работает Экспертный совет, в состав которого входят специалисты, обладающие глубокими познаниями в различных отраслях права и законодательства, представители адвокатского сообщества и юридической доктрины.

Члены Экспертного совета принимают активное участие в обсуждении Ежегодных и специальных докладов Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, высказывают свои конструктивные замечания и предложения по совершенствованию законодательства, организации деятельности по правовому просвещению населения, определяют наиболее приоритетные направления деятельности Уполномоченного.

Тем не менее, многие актуальные вопросы, заслуживающие самостоятельного более глубокого осмысления и обсуждения, не всегда находят отражение в работе Экспертного совета.

В связи с этим, данный выпуск Вестника является некой «площадкой» для членов Экспертного совета, высказывания их авторитетного мнения по тем или иным проблемам обеспечения и защиты прав человека в разнонаправленной и многоаспектной сфере – сфере общественных отношений.

Выражаю надежду на то, что представленные материалы вызовут интерес у читателя и, возможно, выступят основой для дальнейшего обсуждения сложных, подчас весьма дискуссионных, вопросов в области правозащитной деятельности.

*Светлана Николаевна Семенова
Уполномоченный по правам человека
в Иркутской области*

СОДЕРЖАНИЕ

Безик Н. В.

Соглашение о пользовании жилым помещением собственника (соглашение о проживании)..... 4

Васильева Н. Н.

К вопросу о правах лиц, не являющихся собственниками и нанимателями жилых помещений..... 12

Забавко Р. А.

Проблемы реализации экологических прав граждан в Иркутской области..... 17

Каверзина В. Л.

Право быть матерью в местах лишения свободы..... 22

Литвинцева Н. Ю.

Актуальные проблемы процессуального статуса свидетеля в российском уголовном судопроизводстве..... 26

Судакова Т. М., Суворова М. К.

Обеспечение прав человека в контексте реализации антинаркотической политики..... 36

Суслова С. И.

О праве граждан на дачу согласия при приватизации жилых помещений 43

Татарников В. Г.

Уголовно-правовая охрана личности от преступных посягательств с применением оружия..... 48

Фомина И. А.

Буллинг в российских школах и его профилактика..... 54

Хертуев Р. Ю.

Правовые акты уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации ...60

Чуксина В. В.

Права человека и образование 64

Безик Нина Вадимовна

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

СОГЛАШЕНИЕ О ПОЛЬЗОВАНИИ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ СОБСТВЕННИКА (СОГЛАШЕНИЕ О ПРОЖИВАНИИ)

Очевидно, что среди многих потребностей человека одной из самых насущных является потребность в месте для проживания. Желательно, чтобы это место отвечало как особенностям местонахождения человека (например, климату), так и учитывало иные особенности (семейные, возрастные, состояние здоровья и т.д.). При этом, как известно, право собственности многими рассматривается как основное право для пользования жилым помещением. Также очевидно, что обрести его не всегда возможно, а в некоторых случаях нецелесообразно. Поэтому гражданам следует знать о других, альтернативных основаниях пользования жилыми помещениями, установленных законом и гарантирующих длительный срок проживания (при этом речь идет не о договоре найма).

С позиций гражданского права такие основания можно называть ограниченными вещными правами пользования жилыми помещениями и к ним относятся: право пользования жилым помещением собственника членом семьи собственника, право пользования жилым помещением собственника отказополучателем и право пользования жилым помещением собственника получателем ренты.

Конечно, у каждого пользователя присутствует своя специфика, обусловленная основанием приобретения своего права:

- право пользования жилым помещением собственника членом семьи собственника возникает при наличии статуса члена семьи собственника;
- право пользования жилым помещением собственника отказополучателем предоставляется по завещательному отказу (по завещанию);

- право пользования жилым помещением собственником получателем ренты появляется на основании заключенного договора пожизненного содержания с иждивением или ренты.

Зачастую основание возникновения права (например, завещательный отказ) лишь обозначает лицо, которому право предоставляется, а также вид недвижимости и срок. За пределами завещательного отказа остаются подробная характеристика отношений, права и обязанности, которые содержат в себе ответы на повседневные вопросы.

Поэтому, по сути, отношения с собственником по пользованию жилым помещением у данных лиц складываются на основании соглашения. Именно договоренность с собственником определяет возможности и запреты для этих лиц с одной стороны. С другой стороны, данное соглашение гарантирует обеим сторонам комфорт в проживании, защиту прав и сохранение имущества. Для собственника последний аспект особо актуален, поскольку согласно ст. ст. 210, 211 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1] именно он, по общему правилу, несет бремя содержания и риск. На нем лежат все обязанности, связанные с обеспечением сохранности, пригодности к использованию жилого помещения, а также вопросы соблюдения порядка его использования перед третьими лицами и государством.

Таким образом, в силу важности соглашения о пользовании жилым помещением собственником следует разобраться с его правовым регулированием и содержанием.

Начать следует с общего момента, который лежит в основе любых гражданско-правовых договорных конструкций, и звучит как «принцип свободы договора» (ст. 421 ГК РФ). Данный принцип означает, что стороны свободны в заключении договора, свободны в выборе стороны по договору, выборе типа и вида заключаемого договора и определении его условий.

Конечно, данная свобода может быть ограничена по различным основаниям. Самое первое, что следует учитывать — это наличие императивных (обязательных и неизменяемых) положений закона, регулирующих отношения сторон. Однако в некоторых случаях наличие таких императивных правил не так очевидно. Полагаем, что в отдельной части стороны, при определении условий соглашения, могут воспользоваться Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 16 «О свободе договора и ее пределах» [2].

Наиболее популярное разъяснение предлагают положения п. 3 и п. 4 Пленума «О свободе договора и ее пределах» (они же критерии императивности) представить в виде алгоритма, или так называемого «пятиступенчатого теста на выявление императивности» договорной нормы [3]. Так, при толковании спорной нормы суд может прийти к выводу о ее императивности, если соблюдено одно из следующих условий:

1. Суду очевидны те охраняемые законом интересы, которые данная норма имеет целью защитить посредством ограничения свободы договора, а именно:

- 1) защита публичных интересов;
- 2) защита интересов третьих лиц;
- 3) защита слабой стороны договора.

2. Отступление от такой нормы будет грубо нарушать баланс интересов сторон.

3. Императивность такой нормы вытекает из существа законодательного регулирования соответствующего договора.

Примером явного запрета (императивной нормы) можно назвать правила ст.17 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) [4]: никто, в т.ч. собственник не может разрешить стороне договора использование жилого помещения не по назначению. Нарушителями закона будут в данном случае оба субъекта и с учетом действий и их последствий понесут ответственность.

Также при заключении соглашений о пользовании, стороны должны не отходить от основания (юридического факта), породившего их отношения. Они должны учитывать особенности этого основания и специфику его регулирования. Например, если лицо является отказополучателем и в этом статусе заключает с собственником (наследником) соглашение о пользовании, то юридическим фактом, породившим их отношения будет завещание и заве-

щательный отказ. Поэтому необходимо в обязательном порядке учитывать содержание завещательного отказа при составлении соглашения о проживании. Например, отказополучателю нельзя требовать безвозмездного проживания, если в завещании указано на возмездность отношений. Срок пользования также следует «заимствовать» из завещания. Именно поэтому следует рекомендовать наследодателям тщательно продумывать и четко прописывать предоставляемые возможности по завещательному отказу.

Если говорить о соглашении о пользовании с получателем ренты, то очевидно, что возмездность пользования и оплата за коммунальные и иные услуги будет противоречить основному договору пожизненного содержания с иждивением. Ведь по договору пожизненного содержания с иждивением или ренты именно собственник обеспечивает пользователя средствами для существования, оплачивает его расходы, связанные с проживанием. Поэтому нелогично будет предусматривать возложение этих обязанностей по соглашению о пользовании жилым помещением собственника на пользователя. Кроме того, это может привести к нарушению плательщиком ренты своих договорных обязанностей.

Если же говорить о соглашении с членами семьи, то многое станет очевидно, если провести дифференциацию членов семьи. Согласно ст. 31 ЖК РФ статус членов семьи собственника определяется не только положениями семейного права (наличие брака, родственные связи, взаимное уважение и забота, общие интересы, общее хозяйство и др.), но и жилищного (совместное проживание, вселение в установленном порядке, признание собственником в качестве члена семьи). Следовательно, среди членов семьи собственника можно выделить две группы граждан:

- так называемых бесспорных членов семьи, это проживающие совместно супруг, дети и родители собственника жилого помещения (для их отнесения к членам семьи им необходим указанный семейный статус (например, статус супруга), а также факт совместного проживания);

- вторая группа не так очевидна и очень разнородна: это другие родственники собственника, независимо от степени родства, нетрудоспособные иждивенцы как собственника, так и членов его семьи и в исключительных случаях иные граждане (например, друзья, лица, проживающие с собственником без заключения брака), при условии совместного проживания и вселения в жилое помещение в качестве члена семьи. Таким образом, это могут быть как лица, имеющие кровное родство (брат, бабушка), так и иные лица, которые рассматриваются собственником как члены семьи (родственники супруга, друзья, сожители, иждивенцы).

Именно о второй группе следует говорить, когда рассматривается вопрос о заключении соглашения о пользовании жилым помещением собственника. Поскольку именно собственник своей волей придал им такой статус и предоставил право, значит этот факт следует зафиксировать на случай изменения ситуации и во избежание недоразумений. При этом следует отметить, что заключение такого соглашения защищает интересы не только собственника. В свою очередь, пользователь получает документ, в котором зафиксирован его статус, предоставляющий ему конкретные права и гарантии.

Таким образом, повторимся, соглашение о пользовании будет во многом зависеть от того юридического факта, который вызвал необходимость его заключения. При этом следует признать недостаточность законодательного регулирования отношений проживания. Например, нормы главы 33 ГК РФ сконцентрированы на регулировании прав и обязанностей сторон договора ренты и пожизненного содержания с иждивением. В частности, определение, данное в ст. 601 ГК РФ закрепляет, что получатель ренты – гражданин передает принадлежащие ему жилой дом, квартиру, земельный участок или иную недвижимость в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц).

Таким образом, договор пожизненного содержания с иждивением, конечно же, является основанием для возникновения отношений о проживании (по обеспечению потребности в жилище (ст. 602 ГК РФ)), однако сам может их не регулировать. В связи с этим в ГК РФ не регламентирован порядок предоставления жилища, комплекс прав и обязанностей сторон и др.

Согласно ст. 1137 ГК РФ завещатель вправе возложить на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону исполнение за счет наследства какой-либо обязанности имущественного характера в пользу одного или нескольких лиц (отказополучателей), которые приобретают право требовать исполнения этой обязанности. В частности, на наследника, к которому переходит жилой дом, квартира или иное жилое помещение, завещатель может возложить обязанность предоставить другому лицу на период жизни этого лица или на иной срок право пользования этим помещением или его определенной частью. И, опять же, в нормах ГК РФ ничего не говорится о содержании отношений между наследником и отказополучателем.

Основным актом, регламентирующим право пользования жилым помещением собственника, в настоящее время является ЖК РФ (ст. 31, 33, 34 ЖК РФ). В свою очередь, ЖК РФ определяет лишь в самом общем виде границы пользования жилым помещением. Поэтому в интересах сторон предусмотреть в соглашении о пользовании подробное регулирование их отношений.

Целесообразно заключать соглашение в письменной форме (для соглашения с получателем ренты форма нотариальная в силу ст. 584 ГК РФ). В дальнейшем оно может стать основанием для государственной регистрации права пользования жилым помещением (ч. 3 ст. 33 ЖК РФ). Данная регистрация осуществляется по решению самого правообладателя. Думается, необходимо установить обязательность такой регистрации, т.к. это дополнительно обеспечивает соблюдение прав пользователя.

Соглашение о пользовании жилым помещением является двусторонне обязывающим, что означает наличие прав и обязанностей у обеих сторон. По общему правилу права и обязанности сторон по пользованию жилым помещением равны, однако понять, что именно означает данное положение закона, сложно. Например, в ст.33 ЖК РФ написано, что гражданин пользуется жилым помещением наравне с собственником жилого помещения, если иное не установлено договором. Это положение носит диспозитивный характер, что придает большую значимость заключаемому сторонами соглашению о пользовании, поэтому игнорирование его заключения не отвечает интересам сторон.

Как известно, право собственности как наиболее полное исключительное абсолютное право предоставляет своему обладателю наибольший объем возможностей. Следовательно, следует отличать возможности собственника и возможности иных лиц. Собственнику принадлежат правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом своей властью и в своем интересе. Пользователи должны осуществлять свои права и обязанности таким образом, чтобы учитывать интересы собственника. Это является ключевым моментом для формулирования содержания прав и обязанностей сторон по соглашению о проживании. Таким образом, к правам пользователя можно отнести:

- право проживать в жилом помещении. При этом гражданин может использовать его для осуществления профессиональной или индивидуальной предпринимательской деятельности (ст. 17 ЖК РФ). Пользователь является лицом, проживающим в помещении собственника на законных основаниях и, следовательно, может пользоваться им в соответствии со ст.17 ЖК РФ, т.к. такое пользование является общим правилом. В отдельных случаях встречаются ограничения данного положения, установленные либо законом (как в норме ст. 671 ГК РФ, хотя это признается нарушающим права граждан [5]) либо договором. Если такое ограничение отвечает интересам собственника, ему необходимо заранее обговорить данный вопрос и включить его в соглашение. Например, собственник может оговорить вид допустимой деятельности или распорядок занятий и др.;

- право пользоваться общим имуществом многоквартирного дома (если жилое помещение расположено в многоквартирном доме);
- право требовать предоставления коммунальных услуг надлежащего качества и участия собственника в ремонте и содержании жилого помещения, а также общего имущества;
- иные права, предусмотренные соглашением и законодательством. Например, право на безопасность проживания, т.е. чтобы жилое помещение поддерживалось в надлежащем состоянии, а собственник, следовательно, исполнял свои обязанности по содержанию жилья. Право на неприкосновенность жилища, в том числе на защиту от проникновения в жилое помещение собственника или иных лиц без согласия пользователя и т.д.

Для обеспечения соблюдения своих прав пользователь может настаивать на включении в соглашение отдельных гарантий, направленных на спокойное и беспрепятственное пользование жилым помещением, а также мер ответственности.

При этом сторонам следует, например, изложить порядок доступа собственника и третьих лиц, выступающих от его имени, в жилое помещение, занятое пользователем (если собственник в нем не проживает) либо в комнату пользователя при совместном проживании; права пользователя при признании жилого помещения непригодным для проживания, при его изъятии и т.д.

Спорно наличие у пользователей права на вселение третьих для проживания в жилое помещение собственника. Вселение третьих лиц, как для постоянного, так и для временного проживания, думается, относится к правомочию распоряжения имуществом, а не к правомочию пользования. Следовательно, с точки зрения ЖК РФ пользователь не обладает соответствующей возможностью, однако она может быть предоставлена ему самим собственником при заключении соглашения.

В целом наличие права вселять третьих лиц для временного проживания представляется важным для пользователя. В самом деле, проживание в жилом помещении и отсутствие права вселить для проживания на короткий период, например, родственников, представляется неразумным. Поэтому в соглашении о проживании может быть предусмотрен порядок осуществления данного права. Такой порядок, например, может предусматривать обязанность по уведомлению собственника о вселении третьих лиц в течение нескольких дней.

Необходимо также иметь в виду, что за период действия соглашения о проживании возможно изменение семейного положения пользователя либо появление новых прав и обязанностей, которые серьезным образом могут повлиять на соответствующий порядок пользования жилым помещением. Например, пользователь может стать опекуном несовершеннолетнего и, следовательно, возникнет вопрос о его вселении в жилое помещение, либо, наоборот, пользователь может стать лицом, над которым будет установлена опека, и также возникнет вопрос о проживании третьего лица. С позиций уже упомянутого общего правила об отсутствии права вселения третьих лиц, пользователь никого вселить не сможет. Однако в случае необходимости вселения несовершеннолетних лиц по аналогии закона такое право должно принадлежать пользователю независимо от согласия собственника (конечно, если пользователь является родителем или иным законным представителем несовершеннолетнего). Если же, например, пользователь вступит в брак, то вопрос вселения супруга в жилое помещение, думается, должен решаться с учетом всех заслуживающих внимания обстоятельств, в том числе, в судебном порядке.

С другой стороны, при совместном проживании в жилом помещении пользователя и собственника, возможно, что последний вселит в любое время, независимо от условий соглашения, третьих лиц как членов своей семьи. При этом, согласно ЖК РФ, не требуется учитывать общую площадь жилого помещения (ст. 31 ЖК РФ). Следовательно, гражданин может быть стеснен в своих возможностях по пользованию жилым помещением, в частности, помещениями общего пользования. При серьезном нарушении его прав по пользованию жилым по-

мещением, следует полагать, что он может в судебном порядке доказывать существенность нарушения собственником обязанностей по соглашению.

Обязанности пользователя в ЖК РФ не предусмотрены, при этом они во многом совпадают с обязанностями иных пользователей жилыми помещениями, в том числе собственника:

- обязанность осуществлять пользование жилым помещением с учетом прав и законных интересов проживающих в жилом помещении граждан, соседей; требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических, экологических и иных требований законодательства, в соответствии с правилами пользования жилыми помещениями;
- обязанность использовать жилое помещение в соответствии с его назначением;
- обязанность обеспечивать сохранность жилого помещения, не допускать выполнение в жилом помещении работ или совершение других действий, приводящих к его порче;
- обязанность поддерживать надлежащее состояние жилого помещения, а также помещений общего пользования в многоквартирном доме (квартире), соблюдать чистоту и порядок в жилом помещении, подъездах, кабинах лифтов, на лестничных клетках, в других помещениях общего пользования, обеспечивать сохранность санитарно-технического и иного оборудования;
- обязанность немедленно принимать возможные меры к устранению обнаруженных неисправностей жилого помещения или санитарно-технического и иного оборудования, находящегося в нем, и в случае необходимости сообщать о них в соответствующую управляющую организацию;
- обязанность не производить перепланировку и переустройство жилого помещения без согласия собственника;
- иные обязанности, предусмотренные соглашением и законом.

Отдельно следует упомянуть об обязанности нести расходы на содержание жилого помещения и оплату коммунальных услуг. В ЖК РФ прямо сказано, что дееспособные и ограниченно дееспособные пользователи несут солидарную с собственником жилого помещения ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования жилым помещением, если иное не предусмотрено соглашением между ними. Однако, думается, что такое общее правило может нарушать права пользователя.

Как отмечает А. Жиров, собственник помещения не вправе требовать платы за проживание, а также иным образом обогащаться, устанавливая финансовые обременения при пользовании конструктивными элементами помещения: балконом, кладовой, кухней, санузлом. Кроме того, получатели ренты не должны оплачивать коммунальные услуги в отличие от отказополучателей. Он подтверждает свое мнение примером из судебной практики. Фрунзенский районный суд г. Саратова полагает, что в случае возложения на получателя ренты обязанности по оплате коммунальных услуг и по отчуждению квартиры плательщику ренты был бы утрачен правовой смысл данного договора пожизненного содержания с иждивением. Условия пользования жилым помещением в договоре были определены сторонами в виде безвозмездного характера пользования получателем ренты жилым помещением (без оплаты за проживание), поэтому требования собственника о взыскании с получателя ренты понесенных расходов по оплате коммунальных услуг, о понуждении его производить оплату за потребление коммунальных услуг без оплаты за содержание и ремонт жилого помещения, являются необоснованными, удовлетворению не подлежат и фактически в одностороннем порядке изменяют условия договора пожизненного содержания с иждивением [6].

Следовательно, пользователям важно зафиксировать в соглашении о проживании возмездность или безвозмездность пользования жилым помещением, общим имуществом и коммунальными услугами, а также предусмотреть перечень нарушений, признаваемых существенными.

Права и обязанности собственника как лица, предоставляющего жилое помещение в пользование, не предусмотрены действующим законодательством, однако можно определить следующие его права и обязанности. Права собственника:

- требовать допуска в жилое помещение в заранее согласованное сторонами время себя, своих работников или уполномоченных лиц для осмотра технического и санитарного состояния жилого помещения, санитарно-технического и иного оборудования, находящегося в нем, для выполнения необходимых ремонтных работ, а для ликвидации аварий – в любое время. Но содержать, например, квартиру в надлежащем состоянии можно, лишь имея к ней доступ для проведения проверки, следовательно, пользователь не вправе в этом препятствовать, точно так же, как и совершать любые действия, наносящие или способные нанести вред недвижимости. Собственнику разрешается требовать устранения таких действий и даже, более того – включение в договор условий, препятствующих осуществлению этого права, не будет иметь юридической силы как нарушающее нормы закона [7];

- запретить вселение в занимаемое пользователем жилое помещение иных граждан для временного или постоянного проживания;

- иные права, предусмотренные соглашением и законодательством РФ.

Собственник обязан:

- передать пользователю свободное от прав иных лиц и пригодное для проживания жилое помещение в состоянии, отвечающем требованиям пожарной безопасности, санитарно-гигиеническим, экологическим и иным требованиям;

- принимать участие в надлежащем содержании и в ремонте общего имущества в многоквартирном доме, в котором находится жилое помещение;

- осуществлять текущий и капитальный ремонт жилого помещения, при этом информировать пользователя о проведении ремонта или реконструкции дома в установленные сроки;

- своевременно и в полном объеме оплачивать все расходы, связанные с содержанием жилого помещения (коммунальные услуги, содержание общего имущества и его ремонт), если иное не предусмотрено соглашением о проживании;

- обеспечивать предоставление пользователю предусмотренных в соглашении коммунальных услуг надлежащего качества;

- контролировать качество предоставляемых жилищно-коммунальных услуг;

- нести иные обязанности, предусмотренные соглашением и законодательством РФ.

Прекращение соглашения о пользовании может происходить по целому ряду оснований, среди которых можно назвать:

▪ обстоятельства, не зависящие от воли сторон (например, утрата (разрушение) жилого помещения, смерть пользователя);

▪ действия сторон (соглашение сторон или требование одной из сторон).

Соглашение о проживании в жилом помещении зависимо от того основания, которое было причиной, побудившей стороны его заключить, например, от договора пожизненного содержания с иждивением. Следовательно, если меняется, расторгается или прекращается по иным основаниям основной договор, если прекращаются семейные отношения и т.п., то же самое происходит с соглашением о проживании.

Однако возможно расторжение соглашения о пользовании жилым помещением по иным основаниям, предусмотренным ст. 35 ЖК РФ, к ним относятся:

- использование жилого помещения не по назначению;

- систематическое нарушение прав и законных интересов соседей;

- бесхозяйственное обращение с жилым помещением, приводящее к его разрушению.

В случае обнаружения таких нарушений, собственник жилого помещения вправе предупредить пользователя о необходимости устранить нарушения. Если указанные нарушения влекут за собой разрушение жилого помещения, собственник жилого помещения также вправе

ве назначить гражданину разумный срок для проведения ремонта жилого помещения. В случае, если пользователь после предупреждения собственника жилого помещения продолжает нарушать права и законные интересы соседей, использовать жилое помещение не по назначению или без уважительных причин не проведет необходимый ремонт, он по требованию собственника жилого помещения подлежит выселению на основании решения суда.

Данные основания, предусматривающие лишение права пользования жилым помещением, являются традиционными для ЖК РФ и применяются независимо от вида основания пользования жилым помещением. При подобных нарушениях собственники, по сути, обязаны отреагировать и принять меры к лицу, которому они предоставили право проживания в своем жилом помещении, поскольку, если собственник не исполнит данной обязанности, то он также считается нарушителем и к нему могут быть применены меры, предусмотренные ст. 287.7 ГК РФ.

В завершение следует указать на еще одно положение соглашения, которое стороны должны оговорить с учётом его значимости для обеих сторон — это возможность неиспользования жилого помещения для проживания в течение определенного срока. Во избежание недоразумений (выезд пользователя в длительную командировку, для обучения), срок, причины, порядок уведомления и т.п. должны быть указаны в соглашении.

Таким образом, можно считать неудовлетворительным правовое регулирование отношений пользования жилым помещением собственником. Следует говорить о насущной необходимости развития законодательства по этому вопросу. С другой стороны, это не освобождает заинтересованных лиц от надлежащего оформления своих отношений, посредством заключения грамотно составленного соглашения о пользовании жилым помещением собственником (соглашения о проживании).

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. N 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. N 5.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017. С. 828.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. // Рос. газ. 2005. 12 янв.
5. Безик Н. В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования коммерческого найма жилого помещения // Сибирский юридический вестник. 2015. № 1. С. 60.
6. Жиров А. Пользование жилым помещением по доброй воле собственника // Жилищное право. 2012. № 3 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
7. Никифорова Е. И. Договор пожизненного содержания с иждивением // Жилищное право. 2009. № 4 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Васильева Наталья Николаевна

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человек
в Иркутской области*

К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ЛИЦ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ СОБСТВЕННИКАМИ И НАНИМАТЕЛЯМИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Наличие обширного круга лиц, не являющихся собственниками и нанимателями жилых помещений, требует подробного определения их правового статуса нормами гражданского и жилищного законодательства с целью защиты и обеспечения гарантий прав и интересов указанных субъектов при одновременной защите прав и интересов собственников.

В рамках настоящего исследования хотелось бы рассмотреть некоторые основания проживания в жилых помещениях и затронуть вопросы о статусе бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения и бывших членов семьи нанимателя служебного жилого помещения.

Анализ п. 1 ст. 31 Жилищного Кодекса РФ (далее-ЖК РФ) [1] показывает, что бывшие члены семьи собственника – это не только те, которые утратили семейные отношения, но и проживающие отдельно от собственника. Причем для признания членом семьи собственника бывшими достаточно отсутствия одного из указанных признаков. Что следует понимать под «прекращением семейных отношений»? Безусловно, расторжение брака между супругами влечет прекращение семейных отношений. В таком случае, прекращаются ли семейные отношения собственника жилого помещения с несовершеннолетними детьми при расторжении брака супругами?

В постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2005 г. было прямо закреплено, что в случае, если после расторжения брака ребенок стал проживать с родителем, у которого в собственности жилья не имеется, то он уже не может считаться членом семьи собственника. Он является бывшим членом семьи и подлежит выселению вместе с бывшим

супругом на основании п. 4 ст. 31 ЖК РФ [2]. Однако 7 ноября 2007 г. указанное положение постановления Президиума Верховного Суда РФ признано утратившим силу. Судебная практика, спустя два года, пришла к противоположной позиции [3], которая заключается в следующем. Согласно СК РФ ребенок имеет право на защиту своих законных интересов, которая осуществляется родителями. Именно родители несут ответственность за воспитание, физическое, психическое, духовное и нравственное развитие своих детей. Приведенные права ребенка и обязанности его родителей сохраняются и после расторжения брака. Исходя из этого лишение ребенка права пользования жилым помещением одного из родителей – собственника этого помещения может повлечь нарушение прав ребенка. Поэтому, в силу установлений СК РФ обязанностей родителей в отношении своих детей, право пользования жилым помещением, находящимся в собственности одного из родителей, должно сохраняться за ребенком в любом случае.

Таким образом, расторжение брака между родителями ребенка не должно являться основанием для прекращения семейных отношений между ребенком и одним из родителей, являющимся собственником жилого помещения.

Вместе с тем жилищное законодательство все же устанавливает некоторые гарантии прав бывших членов семьи собственника жилья. На анализе некоторых оснований проживания в жилом помещении хотелось бы остановиться более подробно.

Согласно ст. 19 ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса РФ» за этой категорией граждан сохраняются права на принадлежащее собственнику жилое помещение и после прекращения с ним семейных отношений при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором [4]. К названным в ст. 19 ФЗ «О введении в действие ЖК РФ» бывшим членам семьи собственника жилого помещения не может быть применен п. 2 ст. 292 Гражданского кодекса РФ, так как, давая согласие на приватизацию занимаемого по договору социального найма жилого помещения, без которого она была бы невозможна, они исходили из того, что право пользования данным жилым помещением для них будет носить бессрочный характер и, следовательно, оно должно учитываться при переходе права собственности на жилое помещение по соответствующему основанию к другому лицу (например, купля-продажа, мена, дарение, рента, наследование). Подобное толкование норм законодательства дал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 2.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса Российской Федерации» (п.18) [5].

Такой подход к обеспечению жилищных прав указанных лиц представляется вполне логичным и обоснованным. Согласно ныне действующей редакции п. 4 ст. 31 ЖК РФ бывшие члены семьи собственника жилого помещения сохраняют право пользования им до тех пор, пока собственником помещения остается лицо, приватизировавшее его.

Можно отметить, что вопросов относительно применения положений ФЗ «О введении в действие ЖК РФ» у судов не возникает: установив, что жилое помещение приватизировано в период проживания в нем ответчика по делу, суды в безусловном порядке отказывают в удовлетворении исков о признании ответчика, утратившим право пользования. Необходимо отметить, что на сегодняшний день сведения о наличии лиц, сохраняющих право пользования жилым помещением ввиду их отказа от участия в приватизации, не отражаются ни в правоустанавливающих документах, ни в договоре о передаче жилого помещения в собственность в порядке приватизации. Вследствие этого возможно наступление негативных последствий для покупателя как стороны в сделке по приобретению жилого помещения.

О существовании права проживания в жилом помещении у лиц при смене собственника и принимавших участие в приватизации жилого помещения законодатель упоминает лишь поверхностно, закрепляя специфические основания их возникновения. Некоторыми учены-

ми жилищные права таких субъектов предлагается называть непоименованными, с чем, на наш взгляд, следует согласиться [6].

Вместе с тем указанные основания проживания нуждаются в тщательном анализе и осмыслении на предмет обладания признаками вещных прав, момента, с которого данное право проживания возникает и прекращается, определении их содержания в силу отсутствия законодательно закрепленного статуса указанных лиц и непосредственной классификации их прав на жилое помещение в действующем законодательстве. Можно ли устанавливать солидарную ответственность бывших членов семьи с собственником или речь должна идти о самостоятельной ответственности обладателей такого права? Если у бывшего члена семьи родится ребенок, имеет ли он право вселить его в занимаемое жилое помещение, в каком порядке должны решаться вопросы о распределении бремени по текущему и капитальному ремонту и т.д.?

Можно предложить в качестве одного из вариантов решения проблемы применить аналогию закона, т.е. приравнять бывших членов семьи по своим правам, обязанностям и ответственности к членам семьи собственника жилого помещения. В частности, подобное правило действует применительно к бывшим членам собственника в случае принятия судебного решения о сохранении их права проживания в жилом помещении на определенный срок (п. 6 ст. 31 ЖК РФ).

Особого внимания заслуживает вопрос об основаниях прекращения прав бывших членов семьи, которые принимали участие в приватизации жилого помещения. Правовая неопределенность правового статуса указанных субъектов становится особенно заметной при прекращении их семейных отношений с собственником или переходе права собственности на приватизированное жилое помещение к другому лицу. Эти обстоятельства оказывают непосредственное влияние на выбор механизмов гражданско-правовой защиты прав таких лиц.

Ранее было отмечено, что основания, связанные с прекращением семейных отношений с собственником, переходом права собственности на жилое помещение к другому лицу, не влекут никаких правопрекращающих последствий для бывших членов семьи. Однако утверждение о том, что права данных лиц имеют бессрочный характер¹ и выселить таких жильцов невозможно, ошибочно.

Безусловно, ФЗ РФ «О введении в действие ЖК РФ» обеспечивает и защищает права бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения, но жилищное законодательство регламентирует права и обязанности именно тех граждан, которые проживают совместно с собственником в принадлежащем ему помещении. Поэтому в случае добровольного выезда в другое место жительства право пользования помещением бывшего члена семьи собственника, проживавшего там же, может быть прекращено, поскольку такое обстоятельство должно расцениваться как отказ от прав и обязанностей, установленных законом или договором в отношении данного жилого помещения. Причем рассматриваемое право может быть прекращено независимо от того, что в момент приватизации спорного жилого помещения бывший член семьи имел равное право пользования данным жильем с лицом, его приватизировавшим. Таким образом, сам по себе факт того, что у ответчиков было право пользования жильем на момент его приватизации, при последующем их добровольном отказе от этого

1 * Правоприменительная практика, не обозначая самой природы права данных лиц, указывает на то, что право пользования приватизированным жилым помещением для данных лиц носит бессрочный характер и они не могут быть выселены из этого жилого помещения (см. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 01.03.2006г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2005 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. N 5; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9).

права, не может служить безусловным основанием для вывода о сохранении за ними данного права пользования бессрочно [7].

Данная позиция нашла свое закрепление в последующей судебной практике в отношении исков о признании утративших право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета лиц, отказавшихся от участия в приватизации и выехавших на другое место жительства [8].

Другим вариантом прекращения права пользования жилым помещением у лиц, отказавшихся от участия в приватизации, является заключение с собственником соглашения об отказе от права на определенных условиях, например, при получении денежных средств за причитающуюся в порядке приватизации долю [9].

Правила, предусмотренные п.п.2-4 ст. 31 ЖК РФ и регламентирующие правовой статус членов (бывших членов) семьи собственника жилого помещения применяются к отношениям по пользованию служебными жилыми помещениями. Право пользования членов семьи нанимателя служебного жилого помещения и тем более бывших членов семьи производно от права пользования самого нанимателя, является второстепенным для наймодателя. Важным при прекращении семейных отношений между нанимателем и его семьей является сохранение права пользования служебным жилым помещением именно самого нанимателя, связанного трудовыми (служебными) отношениями с наймодателем (иным уполномоченным лицом, предоставившим жилое помещение в связи с трудовой деятельностью (службой) нанимателя).

Это связано с особым назначением служебного жилья и целями его предоставления, закрепленными в ст. 93 ЖК РФ. Служебное жилое помещение, предоставляемое на период работы (службы и т.д.), обеспечивает прежде всего баланс интересов работника и работодателя.

Однако обеспечение баланса интересов нанимателя и членов его семьи (бывших членов семьи) в жилищных отношениях также является задачей жилищного законодательства. Это приобретает особую актуальность в ситуации, когда не все члены одной семьи становятся бывшими и вопрос с их правом пользования не может быть решен однозначно. Исходя из содержания ст. 100 ЖК РФ и п.п.2-4 ст.31 ЖК РФ, Верховный Суд РФ указал, что правом на предъявление иска о признании прекращенным права пользования служебным жилым помещением бывшего члена семьи нанимателя обладает только наниматель такого помещения [10]. Наймодатель служебного жилого помещения таким правом не наделен. Согласно позиции Верховного Суда РФ в договоре найма служебного жилого помещения не могут содержаться дополнительные основания его расторжения и выселения нанимателей, помимо тех, которые установлены законом (например, выселение бывшего члена семьи при изменении состава семьи пользователя в результате расторжения брака).

Признание члена семьи нанимателя бывшим говорит о том, что личные взаимоотношения прекратились, наниматель не желает видеть бывшего члена семьи в своем жилом помещении, иными словами, на лицо конфликтная ситуация. Подобные отношения могут вступить в противоречие с назначением служебного жилого помещения, предоставление которого призвано решить жилищную потребность работника, поскольку жилищные условия создаются работодателем именно для работника в связи с трудовыми отношениями.

В связи с этим следует согласиться с точкой зрения, высказанной А. Тарасовой, о том, что применительно к служебному жилью подходы в обеспечении права пользования жилым помещением для бывших членов семьи нанимателя не могут быть абсолютно идентичны тем, что используются судебной практикой в развитие п.4 ст. 31 ЖК РФ для собственника и бывших членов его семьи [11].

Список источников

1. Жилищный Кодекс РФ: ФЗ от 29 дек. 2004 г. (в ред. от 22.01.2019г.) // Росс.газ. -2005 – 12 янв.
2. Обзор судебной практики Верховного суда РФ за III квартал 2005 г. (утв. на заседании Президиума Верховного суда РФ от 23.11.2005 г.) // Бюл. Верховного суда РФ. - 2006. - № 3.
3. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2007 года: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 7 ноября 2007 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. - 2008. - № 2.
4. О введении в действие Жилищного кодекса РФ:ФЗ РФ от 29. 12. 2004 г. № 89 // СЗ РФ. - 2005. - № 1 (Ч.1). – Ст.15.
5. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 2.07.2009 г. № 14// Росс. газ. - 2009 – 8 июля.
6. Сулова С.И. Непоименованные субъективные права жилые помещения // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 1. - С. 17-21.
7. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 мая 2015 г. N 81-КГ15-2Суд отменил принятые ранее судебные решения и направил дело на новое рассмотрение, поскольку факт наличия у ответчиков права пользования жилым помещением на момент его приватизации при последующем их добровольном отказе от этого права не является безусловным основанием для вывода о сохранении за ними права пользования жилым помещением бессрочно/<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70975764/>[Электронный ресурс, дата обращения: 10.06.2023 г.]
8. Апелляционное определение Самарского областного суда от 27 апреля 2016 г. по делу N 33-5303/2016 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
9. Апелляционное определение СК по гражд. делам Псков.обл. суда от 4 сент. 2012 г. по делу N 33-1416 Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 26.06.2015 г. № 2 // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71010872/?prime>[Электронный ресурс, дата обращения: 10.06.2023 г.].
11. Тарасова А. Службное жилье для бывших членов семьи <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=5&art=5112> [Электронный ресурс, дата обращения: 24.04.2019 г.]

Забавко Роман Алексеевич

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из ключевых аспектов развития общества в настоящее время является устойчивое развитие, которое предполагает баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и защитой окружающей среды. В России в последние годы наблюдается рост интереса к экологическим проблемам и защите природы, однако реализация экологических прав граждан остается на низком уровне. В этом аспекте рассмотрение проблем реализации экологических прав граждан России и возможных путей их решения является актуальной темой.

Одной из основных проблем реализации экологических прав граждан России является недостаточная правовая база. Несмотря на то, что в России действует ряд законов, направленных на защиту окружающей среды, их выполнение не в полной мере контролируется со стороны государства. Кроме того, не все законы соответствуют мировым стандартам в области экологии и защиты природы, а их масса столь велика, что некоторые нормативные правовые акты вступают между собой в противоречие. Кроме того, несмотря на наличие большого количества нормативных правовых актов, по-прежнему имеются пробелы правового регулирования.

Основным законодательным актом в области охраны окружающей среды в России является Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [1]. Он определяет правовые и организационные основы обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды, а также устанавливает права и обязанности граждан, организаций и государства в этой области.

Кроме того, в России действуют и другие природоохранные законы, такие как Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [2], Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» [3], Федеральный закон от 3 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [4], и др.

Основными принципами российского природоохранного законодательства являются следующие:

1. Принцип приоритета охраны окружающей среды. Согласно этому принципу, охрана окружающей среды признается приоритетной задачей государства и общества. В случае конфликта интересов между использованием природных ресурсов и их охраной, предпочтение отдается последней.

2. Принцип экологической безопасности. Согласно этому принципу, любая деятельность, связанная с использованием природных ресурсов, должна быть безопасной для человека и окружающей среды. Необходимо принимать меры по предотвращению и устранению негативных экологических последствий любой деятельности.

3. Принцип ответственности за нарушение природоохранного законодательства. Согласно этому принципу, лица, нарушившие природоохранное законодательство, несут ответственность за причиненный ущерб окружающей среде и природным ресурсам. Это может включать штрафы, компенсации, запрет на использование природных ресурсов и другие меры.

4. Принцип участия общественности в охране окружающей среды. Согласно этому принципу, граждане и общественные организации имеют право участвовать в принятии решений, касающихся охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Они также могут контролировать выполнение природоохранительных требований и подавать жалобы на нарушения.

5. Принцип интегрального подхода к управлению природными ресурсами. Согласно этому принципу, использование природных ресурсов должно осуществляться на основе комплексного подхода, учитывающего экологические, экономические и социальные аспекты. Необходимо принимать меры по сохранению природных ресурсов и их воспроизводству на долгосрочной основе.

Таким образом, российское природоохранное законодательство имеет множество законов и нормативных актов, направленных на охрану окружающей среды и природных ресурсов. Основными принципами этого законодательства являются приоритет охраны окружающей среды, экологическая безопасность, ответственность за нарушение природоохранительных требований, участие общественности в охране окружающей среды и интегральный подход к управлению природными ресурсами. Соблюдение этих принципов является важным условием для сохранения природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности в России.

Значимой проблемой является недостаточное осведомленность населения о своих экологических правах. Эколого-правовое информирование граждан является важным инструментом в области охраны окружающей среды. Оно позволяет обеспечить доступ к информации о состоянии окружающей среды, экологических проблемах и мерах по их решению.

Эколого-правовое информирование граждан включает в себя предоставление информации об экологическом состоянии природной среды, состоянии здоровья населения, причинах и последствиях загрязнения окружающей среды, а также о мерах по ее охране и восстановлению. Гражданам должна быть доступна информация о принимаемых государством мерах по охране окружающей среды, организациях, занимающихся охраной окружающей среды, их правах и обязанностях.

Одним из основных законодательных актов, определяющих порядок эколого-правового информирования граждан в России, является Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об экологической экспертизе». Он устанавливает общие требования к проведению экологической экспертизы, включая требования к информационному обеспечению экологической экспертизы и к обеспечению доступа к информации об экологической экспертизе.

Кроме того, в России действует и ряд других законов, направленных на обеспечение эколого-правового информирования граждан. Так, упомянутый выше Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливает правила и порядок обеспечения граждан информацией об экологическом состоянии окружающей среды.

Основной целью эколого-правового информирования является обеспечение гражданам доступа к информации об экологическом состоянии окружающей среды, чтобы они могли принимать информированные решения и участвовать в принятии решений в области охраны окружающей среды. Это позволяет повысить уровень экологической осведомленности населения, что в свою очередь способствует более эффективной работе органов государственной власти в области охраны окружающей среды.

Одним из важных инструментов эколого-правового информирования является общественное участие в принятии решений в области охраны окружающей среды. Общественное участие предполагает участие граждан в процессе принятия решений, которые непосредственно влияют на экологическое состояние природной среды. Это может быть участие в обсуждении проектов нормативных актов, проведение общественных экологических экспертиз, участие в общественных слушаниях и т.д.

Существуют также различные формы эколого-правового информирования граждан, такие как публикации в средствах массовой информации, организация выставок, семинаров, конференций, создание информационных центров и т.д. Важно, чтобы информация была доступна и понятна для широкого круга граждан, включая людей с разным уровнем образования и знаний в области экологии.

Эколого-правовое информирование граждан играет важную роль в обеспечении экологической безопасности и устойчивого развития. Обеспечение доступа граждан к информации о состоянии окружающей среды, экологических проблемах и мерах по их решению позволяет повысить уровень экологической осведомленности населения и способствует более эффективной работе органов государственной власти в области охраны окружающей среды. Важно продолжать совершенствовать эколого-правовое информирование, в том числе через развитие новых форм и методов информационной работы, чтобы обеспечить наиболее эффективное использование этого инструмента в области охраны окружающей среды.

Одной из специфик Иркутской области является наличие на ее территории большого количества охотничьих ресурсов, проживание в отдельных районах представителей народов, ведущих традиционный образ жизни, связанный, прежде всего с охотой, распространенность охоты среди иных слоев населения.

Право на охоту является одним из конституционных прав граждан, но его реализация сопряжена с рядом проблем.

Одной из главных проблем реализации прав граждан в области охоты является недостаточно развитая правовая база. Некоторые аспекты правового регулирования охоты не учитывают современных реалий и не отвечают потребностям общества. Например, законодательство не предусматривает механизмов контроля за охотой на редкие и исчезающие виды животных, что может привести к их полному исчезновению. Кроме того, законодательство в области охоты не всегда согласовано с другими отраслями права, такими как экология или животноводство, что может привести к конфликтам между различными интересами.

Еще одной проблемой является недостаточное информирование граждан о правилах охоты и охране природы. Часто охотники не знают о запретах и ограничениях на охоту, не понимают последствий своих действий для природной среды, а также не знают о мерах, направленных на охрану и восстановление природы. Это может приводить к нарушениям правил охоты и негативному влиянию на экосистему.

Еще одной проблемой является недостаточный контроль за охотой со стороны органов государственной власти. Не всегда контроль соответствует объему охотничьего хозяйства и охотничьих угодий, что может привести к незаконной охоте, нарушению правил охоты и нанесению ущерба природе.

Возможным путем решения этих проблем является улучшение правовой базы и ее соответствия современным реалиям. Необходимо разработать механизмы контроля за охотой на

редкие и исчезающие виды животных, а также согласовать законодательство в области охоты с другими отраслями права. Также необходимо проводить образовательную работу среди охотников, направленную на повышение их осведомленности в области охоты и охраны природы.

Кроме того, необходимо улучшить контроль за охотой со стороны государственных органов. Это может быть достигнуто путем увеличения числа сотрудников контролирующих органов, введения новых технологий и современных информационных систем, а также повышения квалификации сотрудников, занимающихся контролем за охотой.

Право на добычу древесины является одним из экологических прав граждан, но его реализация также сопряжена с рядом проблем.

Значимой проблемой является неэффективное управление лесным хозяйством. Недостаточное количество квалифицированных кадров, отсутствие современного оборудования и технологий, а также низкая эффективность использования лесных ресурсов приводят к их истощению и уменьшению объемов добычи древесины.

Значительно препятствует реализации прав граждан незаконная добыча древесины. Некоторые лесопользователи нарушают правила добычи древесины, что приводит к ущербу лесным ресурсам и нарушению прав других граждан и организаций.

Получение древесины для строительства и отопления является одним из важных вопросов в сфере экологии, которые волнуют граждан.

Одной из главных проблем, связанных с получением древесины для строительства и отопления, является ее недостаточное количество. В настоящее время, из-за не вполне эффективного управления лесным хозяйством и незаконной вырубке лесов, объемы добычи древесины сокращаются. Несмотря на наличие большого количества лесных насаждений в Иркутской области, доступные для разработки деревья находятся на значительном удалении от крупных населенных пунктов. Это приводит к тому, что гражданам становится труднее получить древесину для своих нужд.

Еще одной проблемой является сложность процесса получения древесины. Для получения древесины на строительство или отопление гражданам необходимо получить разрешение на рубку леса. Однако процедура получения разрешения на рубку леса может занять много времени, а приобретение древесины у лесопильных предприятий может быть связано с высокой ценой.

Возможным путем решения этих проблем является улучшение управления лесным хозяйством и более эффективное использование лесных ресурсов. Это может быть достигнуто путем увеличения числа квалифицированных кадров. Кроме того, необходимо упростить процедуру получения разрешения на рубку леса и сделать ее более доступной для граждан. Это может быть достигнуто путем упрощения процедуры подачи заявок на рубку леса и ускорения процесса их рассмотрения.

В настоящее время одной из главных проблем во многих регионах России, в том числе и в Иркутской области является проблема доступа к чистой воде.

Одной из главных проблем доступа к чистой воде в Иркутской области является отсутствие качественной инфраструктуры для очистки и распределения воды. Большинство населенных пунктов региона не имеют современных систем очистки воды и канализации, что приводит к загрязнению водоемов и ухудшению качества питьевой воды. Кроме того, даже в тех населенных пунктах, где имеются системы очистки воды, часто возникают проблемы с их эксплуатацией и техническим обслуживанием.

Еще одной проблемой является недостаточность количества источников питьевой воды в регионе. Большинство источников воды в Иркутской области являются поверхностными водоемами, которые часто загрязняются из-за деятельности промышленных предприятий и сельского хозяйства. Кроме того, в засушливые периоды года уровень воды в реках и озерах снижается, что может привести к нехватке питьевой воды для населения.

В связи с этим необходимо рассмотреть возможные варианты решения данной проблемы. Одним из главных способов улучшения доступа к чистой воде в регионе является модернизация и улучшение инфраструктуры для очистки и распределения воды. Это может включать в себя строительство новых систем очистки воды и канализации, а также реконструкцию и совершенствование существующих.

Кроме того, необходимо улучшить контроль за загрязнением водоемов и водных ресурсов в регионе. Это может включать в себя более строгие правила по утилизации отходов промышленных предприятий и сельского хозяйства, а также контроль за сбросом сточных вод в водоемы.

Также можно рассмотреть возможность использования альтернативных источников питьевой воды, таких как подземные воды и дождевая вода. В некоторых районах региона это может быть более эффективным способом обеспечения населения питьевой водой.

Одной из важнейших задач нашего времени является решение проблемы экологического образования. Она связана с необходимостью формирования у населения понимания значимости охраны окружающей среды и ответственности за ее сохранение.

Одним из аспектов проблемы является недостаточная подготовка учителей и преподавателей для обучения экологической грамотности. Многие учителя не имеют достаточных знаний в области экологии и не могут обучать своих учеников этим знаниям. Кроме того, недостаточное количество учебных материалов и учебных программ в области экологии также является проблемой.

Также существует проблема доступности экологического образования для населения. Не все люди имеют возможность получить экологическое образование, поскольку, несмотря на значительное количество образовательных организаций в Приангарье, не многие из них реализуют программы, связанные с экологией. Кроме того, экологическое образование не всегда доступно для всех возрастных групп населения.

Одним из главных способов улучшения экологического образования является повышение уровня осведомленности населения в области экологии. Это может включать в себя проведение информационных кампаний и образовательных программ, направленных на распространение знаний о проблемах экологии и ответственности за ее сохранение.

Кроме того, необходимо улучшить профессиональную подготовку учителей и преподавателей в области экологии. Это может включать в себя разработку новых учебных программ и материалов, а также организацию обучающих семинаров и курсов.

Для решения проблемы доступности экологического образования необходимо увеличить количество соответствующих образовательных программ, а также улучшить доступность образования для всех возрастных групп населения. Это может включать в себя организацию экологических лагерей и смен, а также проведение экологических мероприятий и фестивалей.

Все вышесказанное свидетельствует о наличии ряда проблем в реализации экологических прав и свобод граждан в Иркутской области, которые, в целом типичны для всей страны. Их разрешение связано, прежде всего, с необходимостью оптимизации природоохранного законодательства.

Список источников

1. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 30.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133.
2. Об особо охраняемых природных территориях : Федеральный закон от 14.03.1995 N 33-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12, ст. 1024.
3. О животном мире: Федеральный закон от 24.04.1995 N 52-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17, ст. 1462.
4. Об охране атмосферного воздуха : Федеральный закон от 04.05.1999 N 96-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18, ст. 2222.

Каверзина Валентина Леонидовна

*Председатель Коллегии адвокатов «Лига Сибирских адвокатов»,
руководитель Школы молодого адвоката
Адвокатской палаты Иркутской области,
почетный адвокат Адвокатской палаты Иркутской области,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

ПРАВО БЫТЬ МАТЕРЬЮ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

*«Обязанность без права есть рабство,
право без обязанности – анархия».
Ф. Ламенне*

Основы правового статуса осужденных к лишению свободы закреплены в отдельных нормах Конституции РФ, Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов РФ.

Значимое место в системе регулирования правового статуса осужденных имеет и международное нормативное право. Оно находит отражение в российском законодательстве, которым устанавливаются права и обязанности осужденных и государства по отношению к ним.

В настоящее время именно государство определяет сам факт наличия рассматриваемых отношений к лицам, совершившим преступления и в последствии осужденных к лишению свободы, а также условия их повседневной жизни на протяжении срока, который установлен от имени государства.

Психологическое воздействие, которое оказывается на любую личность в местах лишения свободы не исправить координационными центрами, какие бы функции они не исполняли.

Женщины особенно незащищены в условиях лишения свободы, они нуждаются в особой защите от посягательств или противоправного обращения, им должна быть гарантирована физическая и психологическая безопасность. Беременные женщины или кормящие матери, оказавшиеся в местах лишения свободы, оказываются в очень тяжелом положении, так как исправительное учреждение далеко не идеальное место для рождения и воспитания ребенка, даже если там имеются необходимые для этого санитарно-гигиенические и прочие условия. Государственные органы и учреждения относятся к женщинам правонарушительницам как

(не побоюсь этого слова) к неравноправным членам общества. Общество, отправив их в буквальном смысле выживать в трудных условиях мест лишения свободы, забывает, что каждая такая женщина часто является жертвой тех или иных жизненных обстоятельств (отсутствие средств к существованию, жилья, обман, жестокость и насилие) и что совершению преступления часто способствовал тот факт, что ей в трудной жизненной ситуации никто не помог.

Автор пособия для тюремного персонала «Подход к управлению тюрьмой с позиции прав человека» Эндрю Койл, основываясь на данных Международного центра тюремных исследований, утверждает, что во всех пенитенциарных системах мира доля содержащихся в тюрьмах женщин составляет от 2% до 8% от общего числа заключенных. В российских колониях, по данным ФСИН, на конец 2022 года находилось около 340 тыс. человек. Среди них – примерно 30 тыс. женщин, несмотря на то, что они в 10 раз реже мужчин совершают преступления, Россия входит в число государств с наибольшей долей женщин – заключенных – 8-12%.

Ситуация с женщинами-заключенными весьма отлична от ситуации с мужчинами и поэтому именно ей следует уделить особое внимание. Отправляемые в места лишения свободы женщины зачастую были жертвами физического или сексуального насилия, у них наблюдаются различные запущенные проблемы со здоровьем.

Восьмой Конгресс ООН (по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) определил, что «использование заключения для определенных категорий правонарушителей, таких как беременные женщины или матери с детьми, должно быть сокращено и специальные действия должны предприниматься для исключения широкого использования заключения по отношению к этим категориям. Также рекомендации даны на Парламентской Ассамблеи Совета Европы за №1469 от 30.06.2000, в которых указано, что рекомендуется разрабатывать и использовать в отношении матерей маленьких детей наказание, исполняемое по месту жительства и избегать использования тюремного заключения.

Уголовно-исполнительный Кодекс РФ указывает на особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей, из которых следует, что в исправительных учреждениях, где отбывают наказание женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка, и матери детей в возрасте до 3-х лет могут общаться с ними в свободное от работы время без ограничений. Дети могут содержаться в таких домах до достижения 3-х лет, а затем с согласия матери, могут быть переданы родственникам, либо отправлены в соответствующее детское учреждение. Однако, если матери до окончания срока наказания осталось не более года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до окончания срока отбывания наказания матерью.

В конце 2015 года ФСИН утвердила «Дорожную карту» по совместному проживанию матерей с детьми в местах лишения свободы. Данный документ был разработан по инициативе Совета при Правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере. «Дорожная карта» предусматривает постепенный переход к совместному проживанию отбывающих наказание матерей с детьми до 3-х лет.

Уже в 2016 году совместное проживание с детьми в отдельных помещениях было организовано примерно для 2-% для заключённых матерей, к концу 2017 года уже для 40%. Планировалось, что к концу 2021 года составит 100% однако на начало 2023 года 100% совместного проживания не достигнуто.

Главное, чего не хватает женщинам в колониях – это поддержки близких и правового отношения. Все это зависит от сотрудников учреждения. Кто-то примет во внимание, что женщина ждет ребенка, а кто-то нет. Беременным положена повышенная норма питания, но это не роскошные обеды, а дополнительный стакан молока и хлеб. ФСИН – очень закрытая система, но адвокаты стараются узнать о нуждах своих подзащитных.

В России 13 исправительных колоний для женщин с домами ребенка и, к сожалению, не все идут на контакт для информирования родственников о состоянии матери и ребенка.

До 2014 года в колониях не было совместного проживания. Матери видели детей в лучшем случае по несколько часов в неделю, хотя не были лишены родительских прав.

Вместе с правозащитниками и профильными НКО адвокатура поднимала вопрос о совместном проживании матери с ребёнком на государственном уровне.

Расти ребенку без мамы – большой стресс, который мешает нормальному развитию ребенка. Дети ведь ни в чем не виноваты. С другой стороны, если женщины не могут ежедневно быть рядом с ними, то большинство из них могут так и не научиться быть матерями. Между ними может не появиться та связь, которая есть между матерью и ребенком.

Минюст предлагает увеличить возраст детей, находящихся в доме ребенка при ИК или СИЗО.

Нахождение ребенка с матерью во время отбывания наказания стимулирует женщину к формированию в дальнейшем законопослушного поведения и обязанности по воспитанию ребенка. Эти изменения создадут более широкие возможности для соблюдения прав материнства и детства, будут способствовать сохранению родственных связей женщин, содержащихся в местах лишения свободы совместно с детьми. Чем дольше ребенок будет находиться с матерью, тем сильнее их привязанность друг к другу и тем выше шансы ответственного и правопослушного поведения матери после освобождения из мест лишения свободы.

В моей адвокатской практике встречались нарушения прав женщин, имеющих грудных детей, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Особенно хочется остановиться на следующем: совместно с представителем Аппарата Уполномоченного по права человека в Иркутской области Вороновой Л.Ю. я отстаивала нарушенные права осужденной Ивановой Ирины Викторовны (фамилия изменена), которая находилась на домашнем проживании при КП-44 (п. Бозой ОИК-1 УФСИН России по Иркутской области) до 13 марта 2014 г. 14 марта 2014 г. была признана злостным нарушителем порядка отбывания наказания из-за употребления спиртных напитков.

Ранее Ивановой, в связи с положительными характеристиками, администрацией исправительного учреждения КП-44 было разрешено проживать с семьей дочерью и мужем на семейном проживании.

13 марта 2014 г. у мужа осужденной произошёл конфликт на почве личных неприязненных отношений с жителем п. Бозой и хотя ранее поводов для составления отрицательной характеристики Иванова не давала, последовали санкции именно в ее отношении, тогда как никаких оснований для применения правовых мер в отношении ее мужа выявлено не было.

Давление администрации было именно на Иванову в части признания ее факта употребления спиртных напитков совместно с мужем. При этом поступали угрозы отобрания 7-месячной дочери, а поэтому она, беспокоясь за судьбу дочери, признала факт употребления спиртных напитков. Хотя Иванова выполнила все требования, в этот же день администрация с помощью сотрудников полиции отобрали 7-месячную дочь и поместили в ЦРБ пос. Усть-Ордынский, и это, несмотря на то, что она кормила ребёнка грудью.

Все дальнейшие действия администрации были выполнены в нарушении прав Ивановой. Сомнительным было проведение медицинского заключения об освидетельствовании на употребление спиртных напитков, так как было нарушено право Ивановой и не проведен анализ крови и мочи, на чем она настаивала. Кроме того, в материалах личного дела отсутствовала информация о том, что Иванова замужем и имеет грудного ребёнка.

12 мая 2014 года Эхирит-Булагатский районный суд изменил вид исправительного учреждения в отношении Ивановой.

Иванова с 13 марта 2014 года по 28 марта 2014 года была водворена в ШИЗО на 15 суток, а затем отправлена на физически и психологически тяжелые работы, несмотря на то, что она

находилась в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет и в соответствии с законодательством РФ была освобождена от работы, с связи с рождением ребенка до августа 2016 года. Водворение Ивановой в ШИЗО было также нарушением законодательства, а именно ч.7 ст.117 УИК РФ «Осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до 3-х лет в доме ребенка исправительного учреждения, и осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам, а также осужденные, являющиеся инвалидами I группы, в штрафной изолятор, помещение камерного типа и единые помещения камерного типа не переводятся».

Для восстановления нарушенных прав Ивановой, защитой была подана апелляционная жалоба в Иркутский областной суд для обжалования постановления суда I инстанции, который отменил постановление нижестоящего суда и отправил материалы в суд I инстанции, отказавший администрации в удовлетворении представления об изменении в отношении Ивановой вида режима на более строгий.

Учитывая сложившуюся ситуацию со стороны администрации, Уполномоченный по правам человека в Иркутской области, а также и защита обратились к руководству ГУФСИН России по Иркутской области о переводе Ивановой в другое аналогичное учреждение пос. Плишкино.

Малолетняя дочь Ивановой была взята на воспитание отцом ребёнка и родителями Ивановой. В дальнейшем защита обратилась с исковым заявлением о компенсации причиненного морального вреда Ивановой неправомерными действиями администрации ФКУ ОИК-1 ГУФСИН России по Иркутской области, в котором были изложены действия администрации по нарушению прав Ивановой – незаконное водворение в ШИЗО, отобрание грудного ребёнка, использование труда Ивановой на тяжелых работах в период нахождения в отпуске по уходу за ребёнком.

Суд I инстанции удовлетворил требования (в части), определив компенсацию причиненного морального вреда в сумме 40 тысяч рублей. Данное решение апелляционная инстанция поддержала.

Установленная сумма компенсации, причиненная Ивановой, никак не была соразмерна ее нравственным страданиям, однако в своем мнении суды опирались на существующую практику по Иркутской области.

По истечении установленного срока отбывания наказания и возможности выйти на свободу условно-досрочно, защита обратилась в Иркутский районный суд о применении к Ивановой условно-досрочного освобождения, ходатайство защиты было удовлетворено, и семья воссоединилась.

На долю этой женщины выпало немало психоэмоциональных и физических страданий: рождение ребенка вне воли, неправомерные действия администрации, отобрание ребенка, находящегося на грудном вскармливании, помещение в ШИЗО, а для женщины матери – это большая стрессовая ситуация, когда она на протяжении нескольких дней не была проинформирована где находится ее ребенок.

Со стороны администрации ГУФСИН по Иркутской области были приняты так называемые «соответствующие» меры.

В данном случае совместная слаженная работа Уполномоченного по правам человека Иркутской области и защиты помогла восстановить нарушенные права женщины-матери.

В настоящее время Уполномоченным по правам человека Иркутской области Семеновой Светланой Николаевной с целью тесного взаимодействия с Адвокатской палатой Иркутской области заключено соглашение о взаимном сотрудничестве и принято решение об организации работы помощников Уполномоченного по правам человека в Иркутской области.

Только совместные правые действия Уполномоченного по правам человека в Иркутской области и защиты – адвокатов Адвокатской палаты Иркутской области помогут в восстановлении нарушенных прав человека, женщины, матери.

Литвинцева Наталья Юрьевна

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Функциональное предназначение участника уголовного судопроизводства, наделение его соответствующими правами и обязанностями определяет его процессуальный статус, который позволяет ему вступать в уголовно-процессуальные отношения и осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства различен и определяется особенностями их интересов при производстве по уголовному делу. Не вдаваясь в полемику относительно понятия, классификации и функций участников уголовного судопроизводства [1], следует определить процессуальное положение свидетеля в уголовном судопроизводстве.

Институт свидетельствования в уголовном процессе столь же стар, как и само судопроизводство. Так, еще в Русской Правде в качестве доказательств указывались свидетельские показания: «видоков» – свидетелей (очевидцев) преступления и «послухов» – свидетелей доброй славы, поручителей [2].

Этимологическое значение слова «свидетель» можно найти в словарях русского языка. Слово «свидетель» было заимствовано из старославянского языка «сведетель» представляло собой суффиксальное производное от глагола «сведать» – «знать, ведать». Таким образом, буквально «сведетель» – «тот, кто ведал», «тот, кто знал», «ведающий», «знающий». Современная форма с «и» в корне возникла под влиянием слова «видеть», «свидетель» – «тот, кто видел» [3].

В уголовно-процессуальном праве неизменен постулат о «незаменимости свидетеля», как участника уголовного судопроизводства. Не нашли своего оправдания заявления ученых-процессуалистов о том, что в век науки и техники свидетели будут вытеснены вещественными доказательствами и экспертизами, поскольку «следы имеют гораздо большее значение, чем сообщения свидетелей, т.к. дают меньше оснований к заблуждениям» [4]. Образно, и, по сути, верно, выразился А.В. Смирнов: «суд без свидетелей – все равно, что театр без актеров» [5].

Одним из самых распространенных источников доказательственной информации остаются показания свидетеля. Как верно отмечал Ив. Василенко: «Исконно и постоянно доказательственный материал на суде черпался из свидетельских показаний. Свидетели ... по справедливости могут быть названы космополитическим доказательством. Практическое значение показаний очевидца-свидетеля ставило его решателем спора, судьей» [6].

В уголовно-процессуальном законодательстве 1922-1960 г.г. процессуальная роль свидетеля сводилась лишь как к источнику доказательств, как участник уголовного процесса свидетель не упоминался. Впервые в УПК РСФСР свидетель был наделен самостоятельным процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства, законодатель закрепил в отдельной статье права, обязанности и ответственность свидетеля, что, несомненно, является значительным шагом в систематизации норм, регулирующих его правовое положение.

В юридической литературе выделяют различные характерные признаки, присущие процессуальному статусу свидетеля. Так, некоторые авторы, полагают, что «главное отличие, определяющее, кем все-таки, свидетелем или подозреваемым, является лицо в производстве по уголовному делу, – это его возможная причастность к совершению преступления [7]. Совершенно очевидно, что если у органов расследования или суда имеются сведения о причастности конкретного лица к преступлению или о том, что это лицо несет ответственность за совершение данного преступления, то оно должно допрашиваться не в качестве свидетеля, а в качестве подозреваемого или обвиняемого. Свидетель в уголовном судопроизводстве порождается обстоятельствами дела, а не возникает в результате собственных преступных действий.

В Словаре русского языка под свидетелем понимается «человек, который лично присутствовал при каком-нибудь событии, очевидец» [8]. На первый взгляд, все кажется предельно ясным, свидетель преступления – это человек, который лично присутствовал при его совершении, видел, что и как произошло. «Очевидец, очевидный свидетель – видевший своими очами» [9]. В этой связи, интерес представляет положение, закрепленное в п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ очевидец – это тот, кто указывает на лицо, совершившее преступление.

Однако, в уголовное судопроизводство вовлекаются в качестве свидетелей не только лица, видевшие лицо, совершившее преступление (очевидцы), но и лица, обнаружившие последствия преступления (например, труп с признаками насильственной смерти); лица, которые лично не видели, но слышали, как происходило событие (например, слышали ссору в соседней квартире); лица, которые что-либо узнали об обстоятельствах происшедшего из какого-либо другого источника (например, о происшедшем свидетель узнал от лица, непосредственно наблюдавшего происходящее). Показания свидетелей могут и не касаться обстоятельств совершенного преступления (например, свидетель может быть допрошен о характеристике личности подозреваемого, обвиняемого). Таким образом, нельзя отождествлять свидетеля и очевидца преступления.

Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [10]. ст. 144 УПК РФ дополнена требованиями, согласно которым должностные лица, осуществляющие проверку сообщения о преступлении вправе получать объяснения (ч. 1), и в дальнейшем использовать их в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. ст. 75 и 89 УПК РФ (ч. 1.2), а также при условии, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ.

В связи с этим в юридической литературе обсуждается вопрос о правовом положении «потенциального» свидетеля и допустимости его объяснений в качестве доказательств. Так, Т.А. Шмарева, анализируя права, обязанности и ответственность лиц, участников стадии возбуждения уголовного дела, приходит к выводу о том, что «проблемы, возникающие из-за неопределенности правового положения потенциальных свидетелей на этом этапе уголовного судопроизводства, могут быть решены, если процессуальный статус лиц, могущих стать свидетелями, будет совпадать с процессуальным статусом свидетелей» [11].

Иной позиции придерживаются Т.Г. Кудрявцева и Д.Н. Кожухарик, справедливо полагая, что процессуальный статус лица, дающего объяснения, точно определить на этапе проверки сообщения о преступлении не всегда возможно, лицо, от которого получают объяснения, может быть не только потенциальным свидетелем, но и потенциальным подозреваемым [12]. В этой связи возникает вопрос о том, права, обязанности и ответственность какого участника уголовного судопроизводства следует разъяснять лицу, дающему объяснения. Безусловно, объяснения потенциальных подозреваемых, данные ими в ходе проверки сообщения о преступлении в качестве потенциальных свидетелей, должны признаваться в последующем недопустимыми доказательствами.

В энциклопедическом юридическом словаре свидетель определяется как «лицо, которому могут быть известны обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу» [13]. Вместе с тем, исходя из буквального понимания ч. 1 ст. 56 УПК РФ, лицо становится участником уголовного судопроизводства – свидетелем, только после его вызова соответствующим должностным лицом на допрос для дачи показаний. Таким образом, одной только информированности об обстоятельствах дела, недостаточно для того, чтобы у лица появился процессуальный статус свидетеля.

Некоторые авторы подчеркивают, что свидетелем может быть только «физическое лицо» [14]. Выделение данного признака, как признака, характеризующего процессуальный статус свидетеля, представляется излишним. Очевидно, что свидетель не может быть лицом юридическим.

Вызывает интерес позиция В.Ю. Мельникова, который считает, что «свидетелем является лицо, которое вызвано для дачи показаний и добровольно по своему психическому и физическому состоянию желает дать показания об известных ему фактических обстоятельствах дела, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела» [15]. Данное суждение представляется не бесспорным, поскольку дача показаний свидетелем это его обязанность, которая не может зависеть от его желания. За отказ от дачи показаний свидетель несет уголовную ответственность по ст. 308 УК РФ (ч. 8 ст. 56 УПК РФ).

А.М. Гамидов утверждает, что процессуальный статус свидетеля лицо приобретает тогда, когда ему становится известно о вызове его к дознавателю, следователю, прокурору или в суд [16]. Вместе с тем, на практике нередко возникают ситуации, когда свидетель на допрос не вызывается и допрашивается по месту его нахождения (по месту жительства, учебы, работы), либо в некоторых случаях свидетель сам является в органы предварительного расследования и суд для дачи показаний без предварительного его вызова повесткой.

Справедливым представляется суждение А.В. Победкина о том, что лицо, обладающее информацией по уголовному делу и явившееся на допрос по собственной инициативе, приобретает процессуальный статус свидетеля с момента разъяснения ему прав и обязанностей свидетеля [17].

Представляется, что ключевыми признаками, определяющими процессуальный статус свидетеля, являются: во-первых, осведомленность лица об обстоятельствах, имеющих значе-

ние для дела, и, во-вторых, – допрос этого лица в качестве свидетеля. Думается, совершенно справедливо, что в определении понятия «свидетель» законодатель указывает именно на эти признаки, понимая под свидетелем лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний (ч. 1 ст. 56 УПК РФ).

По общему правилу свидетель вызывается на допрос повесткой, которая вручается ему под расписку (ст. 188 УПК РФ). Вместе с тем, в теории уголовного судопроизводства обсуждается вопрос о возможности использования в качестве дополнительных средств связи смс-сообщений, телефонограмм, телеграмм, электронной почты или с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова для извещения участников уголовного судопроизводства о месте, дате и времени рассмотрения дела в суде. В настоящее время правовое регулирование данного вопроса в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует. В этой связи Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» [18] допускается извещение лиц о назначении судебного заседания в том числе посредством смс-сообщения в случае их согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки смс-извещения адресату. Факт согласия на получение смс-извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике уголовного судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который оно направляется. Регламент организации извещения участников судопроизводства, в том числе уголовно-процессуального, посредством смс-сообщений утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 257[19].

Извещение о вызове на допрос посредством смс-сообщений, телефонограмм, электронной почты в целом не противоречит действующему законодательству, и, с одной стороны, является более эффективным, быстрым способом уведомления участников уголовного судопроизводства о предстоящем судебном заседании, с другой стороны, можно ли данный способ извещения (уведомления) признать надлежащим.

Свидетель, надлежащим образом уведомленный о вызове его на допрос, не вправе уклоняться от явки к дознавателю, следователю или в суд (п. 1 ч. 6 ст. 56 УПК РФ). В случае неявки без уважительных причин свидетель, надлежащим образом вызванный на допрос, может быть подвергнут приводу или денежному взысканию (ч. 7 ст. 56, ст. 117 УПК РФ).

Представляется, что надлежащее уведомление свидетеля о вызове его на допрос включает в себя факт отправки и доставки смс-извещения. Однако подтверждение факта доставки смс-сообщения и подтверждение факта получения смс-сообщения свидетелем – не одно и то же. Факт доставки смс-сообщения – это отметка учреждения связи о доставке смс на телефон свидетеля. Факт получения смс-сообщения (ознакомления с содержанием) подтвердить крайне затруднительно.

Также требует решения вопрос о возможности вызова свидетеля на допрос в ходе досудебного производства путем смс-сообщения, телефонограмм, электронной почты.

Думается, что уведомление посредством смс-сообщения является необходимым способом извещения участников уголовного судопроизводства, в том числе свидетелей, о предстоящем судебном заседании, производстве судебных действий в процессе судебного разбирательства. В ходе же досудебного производства, считаю целесообразным, вызывать свидетелей на допрос повесткой, поскольку направление извещений свидетелям о вызове их на допрос в ходе предварительного расследования посредством электронной почты и смс-сообщений не будет обладать признаками надлежащего вручения из-за отсутствия достоверных данных о принадлежности сотовых телефонов свидетелю о фактическом его использовании именно свидетелем, и о прочтении электронной почты именно свидетелем.

Процессуальное положение свидетеля определено законом и включает совокупность его процессуальных прав и обязанностей, а также предусматривает обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, разъяснить свидетелю его права, обязанности и ответственность, обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Анализируя процессуальный статус свидетеля, необходимо рассмотреть право не свидетельствовать против себя самого, которое получило в теории уголовного процесса название *привилегии против самообвинения* [20]., и составляет институт свидетельского иммунитета [21].

Согласно Конституции Российской Федерации, никто не обязан свидетельствовать против себя самого (ст. 51), в этой статье получил развернутую формулировку общепризнанный принцип, закрепленный в ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, который гласит: «Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения... не быть принуждаем к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным» [22].

Сфера действия привилегии против самообвинения весьма широка, она распространяется на все случаи, когда содержанием показаний допрашиваемого лица являются его собственные неправомерные действия – как совершенные им в действительности, так и те, которые он не совершал, но подозревается (обвиняется) в этом, при этом не имеет значения, в качестве кого его допрашивали, в том числе и как свидетеля, что бывает нередко, когда в начальной стадии расследования преступление еще не раскрыто. И если впоследствии будет установлено, что именно он совершил преступление, то он будет отвечать только за него, а не за ложные показания, которые давал при допросе как свидетель. Не может наступить ответственность за дачу ложных показаний и в том случае, когда допрос производился во время задержания подозреваемого, причем не имеет значения, было ли на самом деле лицо причастно к преступлению, по поводу которого давало ложные показания.

Действие привилегии против самообвинения обладает некоторыми особенностями, когда преступление было совершено несколькими лицами либо к нему были иным образом причастны другие лица, например, укрывшие преступление, либо приобретшие похищенное имущество. В подобных ситуациях «свое» и «чужое» преступления могут быть связаны настолько тесно, что правдивые показания о чужом преступлении неизбежно приведут к самообличению допрашиваемого в его собственном преступном деянии. Поэтому и в этом случае исключается уголовная ответственность за ложные показания о преступных действиях соучастников.

Привилегия против самообвинения направлена на исключение злоупотребления и произвола в отношении свидетеля, а также сомнительного положения свидетеля, которого «изобличают» в совершении преступления.

Положение об освобождении близких родственников от обязанности давать уличающие обвиняемого показания (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) мотивируется, прежде всего, нравственными факторами. Право свидетеля отказаться от показаний против близкого родственника, связано с семейными узами и такими нравственными категориями, как совесть и милосердие.

В УПК РФ закреплено конституционное правило отказаться от свидетельства против своего супруга (своей супруги) и других близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56). П. 4 ст. 5 УПК РФ определяет круг близких родственников, обладающих правом свидетельского иммунитета, – это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Наряду с понятием близкие родственники УПК РФ дает определение близких лиц и родственников. Родственниками именуются все лица, за исключением близких родственников,

состоящие в родстве (п. 37 ст. 5). К близким лицам относятся лица, состоящие в свойстве со свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги свидетелю в силу сложившихся личных отношений (п. 3 ст. 5).

Анализируя понятие «близкие лица», изложенное в п. 3 ст. 5 УПК РФ, можно заключить, что законодатель подчеркивает особенность отношений между ними и свидетелем, это такие лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Представляется оправданной необходимость наделения правом свидетеля не давать показания не только против близких родственников, но и родственников и близких лиц.

Небезынтересны суждения некоторых процессуалистов относительно невозможности допроса в качестве свидетеля лица с физическими или психическими недостатками. Так, некоторые авторы утверждают, что «свидетелем может являться лицо, способное по своему психическому и физическому состоянию давать показания», либо «не имеющее ограничений для дачи показаний» [23].

Представляется, что психические и физические недостатки лица не исключают его способности к элементарному мышлению, к простейшим умозаключениям, к запоминанию событий. Свидетельским показаниям лиц с психическими или физическими недостатками можно доверять. Конечно, к ним необходимо относиться критически и оценивать в совокупности с другими доказательствами.

В этой связи вызывает интерес возможность установления способности свидетеля давать показания путем производства в отношении него судебной экспертизы. Так, в соответствии с 4 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза в отношении свидетелей производится только с их письменного согласия или письменного согласия их законных представителей. В соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование свидетеля не требует его согласия, когда оно необходимо для оценки достоверности его показаний. Вместе с тем, одним из случаев обязательного назначения судебной экспертизы является необходимость установить психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания (п. 4 ст. 196 УПК РФ). Логично указанное правило распространить и на свидетелей.

Право свидетеля пользоваться услугами адвоката теоретически принадлежало ему с момента принятия Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48). Согласно ст. 1 Федеральному закону Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» квалифицированную юридическую помощь оказывают адвокаты [24]. Вместе с тем, участие адвоката в допросе свидетелей ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено не было.

Впервые в п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ закреплено право свидетеля явиться на допрос с адвокатом. От свидетеля не требуется объяснять причины, по которым он явился на допрос с адвокатом.

Адвокат оказывает свидетелю необходимую юридическую помощь и обеспечивает недопущение нарушений его процессуальных прав.

В юридической литературе дискуссионным является вопрос о функции адвоката свидетеля. Так, одни авторы полагают, что адвокат свидетеля выполняет функцию защиты [25].

Другие, участие адвоката в допросе свидетеля, считают особой формой представительства [26].

Д.Т. Арабули полагает, что деятельность адвоката свидетеля следует именовать функцией правового сопровождения [27].

Представляется обоснованной позиция Р.В. Мазюка, согласно которой участие адвоката в допросе свидетеля имеет двойственную юридическую природу: с одной стороны, его функ-

ция связана с оказанием свидетелю юридической помощи как несведущему лицу, а, с другой стороны, фактической защитой свидетеля от его возможного изобличения – «квазизащитой свидетеля», то есть защитой, осуществляемой в целях предупреждения (недопущения) фактического изобличения свидетеля в совершении преступления [28].

Адвокат присутствует при допросе свидетеля в соответствии с общими правилами проведения допроса (ч. 5 ст. 189 УПК РФ), при этом он пользуется правами, предусмотренными ч. 2 ст. 53 УПК РФ, а именно адвокат вправе: давать краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия. Следователь вправе отвести вопросы адвоката, но при этом он обязан занести их в протокол следственного действия. По окончании допроса адвокат вправе сделать заявление о нарушенных правах и законных интересах свидетеля, которое также заносится в протокол допроса.

Думается, адвокату должно быть предоставлено право не только делать заявление о нарушенных правах и законных интересах свидетеля, но и обжаловать неправомерные действия дознавателя, следователя, прокурора и суда. Некоторые авторы вполне справедливо полагают, что свидетелю должно быть предоставлено право советоваться с адвокатом в ходе допроса, по вопросам, касающимся его прав и обязанностей и их применения, а адвокату свидетеля – ходатайствовать о перерыве допроса для консультаций, а также о возможности напоминать свидетелю о его правах [29].

Свидетель вправе явиться на допрос уже с адвокатом, это означает, что его допрос не должен быть отложен для явки адвоката.

Буквальное толкование п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ позволяет заключить, что неявка адвоката не препятствует проведению допроса в установленное следователем время. В этой связи, следует заметить, что процессуальный статус свидетеля лицо приобретает с момента вызова на допрос (ч. 1 ст. 56 УПК РФ), т.е. с момента получения повестки о вызове его в качестве свидетеля. Однако о своих правах, обязанностях и ответственности данный участник уголовного судопроизводства узнает лишь перед непосредственным допросом, когда следователь, дознаватель, разъясняет ему его процессуальные права и обязанности. Необходимо признать, что предусмотренный механизм реализации предоставленных свидетелю прав разработан не до конца.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ следователь, дознаватель обязан не только разъяснять свидетелю его права, обязанности и ответственность, но и обеспечить возможность осуществления этих прав, в том числе и право пригласить адвоката. В связи с этим, вполне обоснованным является предложение Д.Т. Арабули о необходимости включения в текст повестки разъяснения о предоставленном свидетелю праве являться на допрос с адвокатом. Также справедливо утверждение указанного автора и о том, что непредоставление (необеспечение) данного права может расцениваться как нарушение требований УПК РФ с признанием доказательств недопустимыми [30].

К сожалению, проблема на этом не исчерпывается, поскольку возможны случаи, когда лицо, обладающее информацией по уголовному делу, самостоятельно является в органы предварительного расследования с желанием дать свидетельские показания. Думается, что в этих случаях следователь, дознаватель обязан разъяснить свидетелю его право явиться с адвокатом, а при желании свидетеля быть допрошенным с участием адвоката, определить время для их явки на допрос, при этом следователь, дознаватель не обязан обеспечивать явку адвоката.

Небезынтересно отметить, что п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ предусматривает участие адвоката только при допросе свидетеля, вместе с тем свидетель привлекается к участию и в других следственных действиях. Представляется, что свидетель должен иметь право на получение квалифицированной юридической помощи при участии в любых следственных и судебных действиях.

В науке уголовного процесса существует мнение, согласно которому участие адвоката свидетеля на судебных стадиях процесса не предусмотрено, поскольку нарушение прав свидетеля возможно на досудебных стадиях, но невозможно на судебных [31]. Трудно согласиться с данной позицией, поскольку свидетель имеет право на получение квалифицированной юридической помощи как в ходе досудебного, так и судебного производства.

Необходимо обратить внимание на то, что расходы по оплате услуг адвоката свидетель несет сам. Верно отмечает Н.С. Амельков, что оплатить услуги адвоката могут не все свидетели, в связи с чем право являться на допрос с адвокатом для многих свидетелей является декларативным [32]. В этой связи, вызывает интерес предложение Н.А. Алиева о дополнении ч. 5 ст. 189 УПК РФ возможностью участия «представителя свидетеля» для оказания последнему юридической помощи [33]. Думается, что в определенных случаях (свидетель несовершеннолетний; свидетели, доходы которых ниже величины прожиточного минимума; свидетели, страдающие психическим расстройством или отстающие в психическом развитии) свидетель вправе получать квалифицированную юридическую помощь бесплатно. Основанием получения бесплатной юридической помощи могут являться положения ст. 20 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [34].

В соответствии с ч. 8 ст. 56 УПК РФ свидетель несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. В этой связи возникает вопрос о необходимости предупреждения лица, уголовное дело в отношении которого было выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний при допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении других соучастников преступления, и определить его процессуальный статус.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П [35] были даны соответствующие разъяснения. Так, обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении. Такое лицо в силу особенностей своего правового положения в уголовном процессе не является подсудимым (обвиняемым) по основному уголовному делу и в то же время как обвиняемый по выделенному уголовному делу, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве, связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу. На обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления не распространяются требования ст. ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные УПК РФ правила о предупреждении допрашиваемых лиц о такой ответственности. Обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу предупреждается о предусмотренных в гл. 40.1 УПК РФ последствиях нарушения им при даче показаний обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от судебного следствия каких-либо существенных сведений.

Федеральным законом Российской Федерации от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [36] была вклю-

чена статья, закрепившая процессуальный статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Согласно положениям ст. 56.1 УПК РФ обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве наделяется особым процессуальным статусом, не требующим разъяснения ему ст. ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний, но в то же время, обязывающим предупреждать о последствиях нарушения обязательств, содержащихся в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Итак, свидетель – это лицо, обладающее информацией, воспринятой им лично, непосредственно или опосредованно, об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, вызванное в установленном уголовно-процессуальным законом порядке или явившееся по собственной инициативе для дачи показаний в органы предварительного расследования или суд.

Список источников

1. Участники современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова, отв. ред. Р.В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 8-32, 33-49.
2. Исаев И.А. История государства и права России: учеб. для юрид. вузов. – М.: Юрист, 1996. – С. 24.
3. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка // <http://enc-dic.com/semenov/Svidetel-74.html>; <http://ask.fm/russian/answers/14704840252>.
4. Гельвиг А. Современная криминалистика. Методы расследования преступлений. – М.: Право и жизнь, 1925. – С. 23.
5. Смирнов А.В. Суд без свидетелей // Уголовный процесс. – 2015. – № 2. – С. 10.
6. Василенко Ив. Логическое начало уголовно-процессуальных норм // Юридический вестник. Журнал Московского Юридического общества. – 1878. – Июль. – С. 943.
7. Шмарева Т.А. Свидетель в российском уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 42.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: ООО «ИТИ Технология», 2003. – С. 610.
9. Михельсон М.И. Толково-фразеологический словарь // <http://enc-dic.com/michelson/Ochevidn-svidetel-7320.html>.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 875.
11. Шмарева Т.А. Участие лиц, являющихся потенциальными свидетелями, на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Экономика и право». – 2015. – Т. 25. Вып. 1. – С. 217.
12. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 28-30.
13. Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. – М.: Инфра-М, 1998. – С. 284.
14. Брежнева М.Ю. Об уточнении понятия «свидетель» в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2007. – № 22. – С. 9; Будников В.Л. Иммуниет свидетеля в уголовном процессе: лекция. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1998. – С. 7.
15. Мельников В.Ю. Свидетель в уголовном процессе России // Адвокатская практика. – 2011. – № 2. – С. 29.
16. Гамидов А.М. Институт свидетельских показаний в уголовном процессе // Вестник Дагестанского гос. ун-та. – 2015. – Т. 30. Вып. 2. – С. 119.
17. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 294-295.
18. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 4. – С. 11.
19. Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством смс-сообщений // Бюллетень актов по судебной системе. – 2014. – № 2.
20. Смолькова И.В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 91, 95.
21. Волосова Н.Ю. Свидетельский иммунитет в уголовном судопроизводстве: правовая позиция Конституционного Суда РФ. – М.: Библио-Глобус, 2015. – 254 с.; Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 352 с.
22. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.
23. Шавкарова Е.Е. К вопросу о понятии свидетеля в российском уголовно-процессуальном праве // Научное обозрение. Реферативный журнал. – 2015. – № 2. – С. 150.

24. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
25. Корнеева О.А. Участие адвоката при допросе свидетеля // Адвокатская практика. – 2010. – № 1. – С. 13.
26. **Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко.** – М.: Юрайт, 2013. – С. 348.
27. Арабули Д.Т. Теоретические и практические основы регулирования процессуального положения и деятельности адвоката – нового участника уголовного судопроизводства: монография. – СПб.-Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. – С. 18.
28. Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – С. 144.
29. Кучугура М.В. К вопросу об адвокате свидетеля // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Экономика. Юридические науки. Приложение». – 2003. – № 4. – С. 42.
30. Арабули Д.Т. Теоретические и практические основы регулирования процессуального положения и деятельности адвоката – нового участника уголовного судопроизводства: монография. – СПб.-Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. – С. 38-39, 49.
31. **Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко.** – М.: Юрайт, 2013. – С. 348.
32. **Амельков Н.С.** Адвокат свидетеля в уголовном судопроизводстве // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 2. – С. 349.
33. Алиев Н.А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Известия вузов: Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 123.
34. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
35. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.07.2016.
36. Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6831.

Суворова Мария Константиновна

*кандидат юридических наук, адвокат
Адвокатского бюро «Кравцов, Измайлова и
партнеры»*

Судакова Татьяна Михайловна

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В качестве вступления к текущей публикации отметим общеизвестные нормы, реализация которых на практике проявляется противоречиво и в отсутствие взаимосвязи разнородных направлений государственной деятельности. Так, в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека, которые в идеале определяют смысл, содержание и применение законов (ст.17.18 КРФ). Каждый имеет право на охрану здоровья, оказание медицинской помощи, безопасные условия воспитания (ст. 41, 38 КРФ). Однако, что значит и как проявляются в действительности, а не в теории, указанные положения в контексте антинаркотической политики государства, вопрос не ставится в рамках многочисленных исследований.

В настоящей публикации мы не будем вдаваться в теоретические дискуссии относительно содержания термина «антинаркотическая политика». Последняя так или иначе включает в себя определенный «вектор» внимания со стороны законодательных и правоохранительных органов на факт потребления наркотиков гражданами по разным причинам, который выражается в комплексе нормативно-правовых актов и правоприменительной практике, направленных на некий контроль ситуации потребления и оборота указанных веществ. В таком контексте мы бы хотели обратить внимание на устоявшиеся негативные тенденции, связанные с игнорированием необходимости выстраивания комплексного механизма обеспечения антинаркотической безопасности во взаимосвязи с неотъемлемыми правами человека и необходимостью обеспечения развития общества.

К сожалению, в последнее десятилетие уже устоялась «традиция» начинать освещать проблемы антинаркотической политики исключительно с приведения абсолютных статистических показателей распространенности наркопотребления и наркопреступности без анализа удельных показателей, качественной структуры, без учета принципов формирования стати-

стических показателей. Подобная демонстрация цифр необходима для иллюстрации некой актуальности проблемы в ракурсе идеи необходимости бороться с наркоторговлей и наркоманами, которые являются угрозой человечеству, нации и способны привести к ее деградации [1]. Применительно к нашей стране такая идея возникла из страха потери контроля над человеческим ресурсом, успешно самоуничтожающимся в период 90-х годов, а это потери, в первую очередь, экономические. Так, в начале 90-х годов на фоне обострения проблем наркомании и формировались основные подходы и меры в рамках антинаркотической политики, направленные на подавление криминальных, девиантных элементов, ориентированные на экстренную защиту от опасности, а не на развитие общества при совокупном и системном решении возникшей проблемы. Позднее, когда в стране более-менее стабилизировалась политическая и социальная обстановка, проблемы наркомании стали отходить на второй план, сократилось количество наркопотребителей, снизился уровень наркопреступности. На фоне стабилизировавшихся показателей дальнейшее развитие антинаркотической политики практически остановилось, началась тенденция поддержания иллюзии управляемости ситуацией без кардинальных изменений в методах и подходах, а новые проблемы практически не замечаются. В частности отсутствуют показатели мониторинга наркоситуации, позволяющие хотя бы выявить эти новые проблемы.

Изложенное подтверждается сохранением общих тенденций наркопреступности, судимости и наркопотребления более десяти лет. Так, если обращать внимание исключительно на количественные показатели, создается впечатление снижения уровня наркопреступности, наркомании, однако совершенно иначе выглядит ситуации при оценке качественных показателей с учетом порядка формирования статистических показателей.

Удельный вес незаконного оборота наркотиков в структуре зарегистрированной преступности стабильно занимает свои 10% без кардинальных изменений, повторяя общие тенденции сокращения и увеличения преступности, которые, в свою очередь, коррелируют с демографическими показателями. Качественная структура осужденных также не поменялась: на составы незаконных действий с наркотиками приходится 30% среди осужденных к лишению свободы (с 2010 года данный показатель вырос на 23%), криминологический рецидив среди осужденных лиц за наркопреступлений стабилен – 63,5%. По-прежнему основная масса дел (80%), связанных с незаконным оборотом наркотиков, дошедших до суда – это действия с наркотиками без цели сбыта (ст. 228 УК РФ). В Иркутской области тот же показатель – 83%. Средний скользящий показатель на территории Иркутской области с 2010 года – 2600 наркопреступлений, что в структуре региональной преступности составляет 5,6%. Качественная структура наркопреступлений в соучастии не претерпела значительных изменений – по-прежнему это в подавляющем большинстве случаев обычная группа лиц по предварительному сговору, образованная наркозависимыми, а предмет сбыта – героин. При этом, данные показатели отражают активность работы правоохранительных органов, у которых есть план на выявление, отправку уголовных дел в суд, соотношения количества преступлений, совершенных в группе лиц и т.д. С учетом того, что практически каждое уголовное дело в сфере незаконного оборота наркотиков – это результат оперативной работы, реже «попутная случайность» (результат рейдовых мероприятий, личного обыска при задержании в связи с признаками иных деяний).

Данные тенденции наркопреступности выглядят неоднозначно при сравнении со структурой наркопотребления и изъятых из оборота веществ. Структура изъятых наркотиков в 2022 года представляет собой 95% наркотиков каннабиноидной группы, в Иркутской области за 10 лет при всей волнообразности данный показатель в среднем такой же, на синтетические наркотики приходится 5-9% по стране.

Обратим внимание, показатели наркопотребления при этом практически неизменны. За последние 10 лет мы наблюдаем снижение показателей первичной заболеваемости наркоманией, однако основной контингент пациентов – опиная наркомания. В программы длительной

реабилитации вступают только 5% пациентов. Из них в длительной ремиссии находятся 8% (в Иркутской области с 2014 года – 5%) в среднем. Одновременно период учета такой длительной ремиссии сокращен с 5 до 3х лет, что позволило автоматически увеличивать показатель ремиссии. Повторная госпитализация после стационара – 29% по стране, 22% в Иркутской области. При этом обращает на себя внимание такой показатель, как отравление синтетическими наркотиками и неуточненными психодислептиками: данный показатель составляет с 2010 года в среднем 45%. Структура отравлений наркотиками в Иркутской области характеризуется возрастанием отравлений кодеиносодержащими препаратами (возникает вопрос, как обстоят дела с обезболивающими препаратами и причинами отравлений), половина всех отравлений с 2010 года стабильно приходится на «синтетические» наркотики. Среди гемоконтактных инфекций статистически наиболее представительны распространенность ВИЧ, гепатита С среди потребителей наркотиков инъекционным способом, количество которых сокращается при увеличении показателей заболеваемости указанными инфекциями.

Таким образом, если рассматривать показатели мониторинга наркоситуации в динамике и сопоставляя качественные показатели, то мы имеем картину активности правоохранительных органов, выявляющих довольно стандартные составы сбыта наркотиков, причем группы лиц по предварительному сговору по-прежнему представлены наркопотребителями в подавляющем большинстве. Потребление синтетических наркотиков предстает уже устоявшейся проблемой, однако, выявление и пресечение их распространения остается на весьма скромном уровне.

Среди официально зарегистрированных потребителей по-прежнему подавляющее большинство – опийные наркоманы со стажем, стареющие, умирающие, за счет чего и сокращаются показатели зарегистрированной наркомании в динамике. При этом обращает на себя внимание стабильные отравления наркотиками неизвестной формулы при сокращении первичной заболеваемости наркоманией.

Так, отсутствие кардинальных изменений в показателях, в том числе в Иркутской области, при сохранении качественной структуры зарегистрированной наркомании, наркопреступности и судимости говорят об отсутствии изменений в методах и подходах работы, отсутствии проактивного планирования, незнании действительной ситуации.

На данный момент точно не известно, кто, как и что потребляет, каковы действительные последствия данного процесса для социальной микросреды, каковы будущие риски. Официальные статистические показатели отражают только малую часть явления, представленную классическими наркопотребителями, которые по-прежнему сбывают наркотики и сосредоточены в поле зрения по большей части правоохранительных органов.

Тем временем одна из реальных проблем – это развитие психических отклонений на фоне потребления синтетических наркотиков. Достоверные исследования о распространенности психозов на фоне потребления наркотиков в регионе отсутствуют. Психотические расстройства, вызванные употреблением наркотиков, фиксируются только в случае достоверных данных из жизни о недавнем факте употребления конкретного вещества. Такой диагноз устанавливается только, если с момента последнего приема до возникновения психоза прошло не более двух недель. В данном ракурсе получение данных возможно только при возможности расширения охвата групп наркопотребителей, не состоящих на официальных учетах. Одновременно в рамках молодежной политики в Иркутской области активно проводятся лекции, семинары, игры, в рамках которых молодые люди убеждаются, что прием любого наркотика – это позор и наркомания. В данной ситуации о своевременном обращении за помощью без риска быть подвергнутым ограничениям, стигматизации и прочим последствиям, речи идти не может. Позднее лица, потребляющие синтетические наркотики, становятся пациентами психиатрической клиники, в показателях зарегистрированной наркомании мы их практически не наблюдаем.

Текущие социологические исследования, проведенные с помощью методов «снежного кома», включенного наблюдения выявляют значительные процессы структуризации групп наркопотребителей, среди которых появились достаточно социально адаптированные группы, практически не изученные [2]. Вместе с тем текущие методы профилактики и воздействия на такие группы не рассчитаны, поскольку для официальной статистики и уполномоченных органов они невидимы, требуют принципиально иного вида организации выявления и наблюдения.

Без учета данных факторов невозможно адекватно выстроить систему предупреждения современной наркомании, управления рисками ее наличия, исходя из реальных характеристики разных групп наркопотребителей от проблемных до социально адаптированных. Изменения в статистических данных, которые мы наблюдаем, – отражение наиболее дезадаптированных элементов, исходя из поведения которых выстраивается целая система мер, не рассчитанная на половину реального контингента, не контактирующих с какими-либо службами и учреждениями.

Кроме того, отсутствует значительный массив данных о психологических особенностях наркопотребителей, поскольку данная проблема долгое время остается предметом правоохранительной работы и медицинских учреждений. Исследования проводятся, как правило, на поздних стадиях наркомании с применением стандартизированных методик. Получаемые результаты нельзя назвать достоверными и достаточными для организации эффективной профилактической работы и сокращения рисков, связанных с развитием аддикций. На сегодняшний день проективные методики исследований практически не применяются, тогда как с учетом распространения синтетических наркотиков, повышения рисков развития психотических синдромов необходимы включенные исследования поведения данных лиц на стадиях эпизодического употребления и экспериментирования. В работах С.В. Березина, К.С. Лисецкого, Е.А. Назарова достаточно подробно приведены стадии наркомании, конкретные психологические характеристики личности, требующие своевременной коррекции [3].

Отметим, в 2022 году в Иркутской области не смогли обеспечить осмотр 1072 наркозависимых лиц, стоящих на официальном учете, и 369 лиц, потребляющих наркотики с вредными последствиями, в связи с отказом пациентов контактировать с медицинскими работниками, отсутствием данных о пациентах либо нахождении их в местах лишения свободы. Это порядка 26% от зарегистрированных пациентов соответствующего профиля. Также в рамках судебной практики сокращается с 2014 года применение норм ст. 72.1, 73, 82.1 УК РФ в связи с тем, что на реальные характеристики наркозависимых, совершающих преступления, они не рассчитаны. Изложенное свидетельствует о том, что текущие меры воздействия на проблемных наркопотребителей нуждаются в развитии, что невозможно без учета специфики мышления и принятия решений данными лицами.

Тем временем для наркозависимых лиц со стажем, которых мы наблюдаем в рамках зарегистрированной наркопреступности и наркомании, характерно поведение бегства от ситуации, шизоидное расстройство личности, избегание действительности, неспособность долгое время пребывать в состоянии неопределенности, страх провала и т.д. Указанное говорит о том, что страх наказания и альтернативные меры лишению свободы для данных лиц не являются достаточным побудительным механизмом к лечению. Одновременно данные лица отличаются повышенной степенью рисков для окружения.

В данном аспекте возникает вопрос баланса прав человека применительно к антинаркотической политике. Дело в том, что проблемные наркозависимые, совершающие преступления, сосредоточенные чаще в местах лишения свободы, отличаются высокой степенью распространенности гемоконтактных инфекций (ВИЧ, Гепатит, туберкулез и т.д.). Данные лица заводят детей, продолжают потреблять наркотики, сотрудничая с правоохранительными органами (осведомители), распространяя инфекции, наркотики и снижая процент защищен-

ности населения на конкретной территории. В рамках ранее проведенного исследования также были получены данные, согласно которым данные люди не лишаются родительских прав в 80% случаев, пытались «завязать», срывались, заботились о детях, однако, системы наблюдения и помощи в такой ситуации семьям, детям не выстроено [4]. Фактор распространения заболеваний и уровень защищенности соседей на конкретной территории городов вообще не поднимается.

Однако, не взирая на перечисленные проблемы, по-прежнему не признаются и даже не исследуются методы заместительной терапии для конкретной группы наркозависимых. Данная терапия трактуется на обыденном уровне как легализация наркотиков без учета реальной действительности. Не рассматривая вопрос замещения наркотиков, вместе с тем, уровень обеспечения длительной ремиссии, сопровождения наркозависимых в регионе не повысился, уровень участия наркозависимых со стажем в обороте наркотиков не понизился, в эффективности лечения, охвате реабилитационными мерами, включении в программы реабилитации в местах лишения свободы кардинальных изменений не наблюдается. Более того, при запрете применения заместительной терапии острым остался дефицит кадров, способных обеспечить отказ от наркотиков в сложных случаях – клинические психологи более 10ти лет штучные кадры. Системы защиты окружения и детей наркозависимых лиц при невозможности обеспечить отказ от наркотиков на практике не существует. Такие системы требуют принципиально новых подходов, организации и работы. Возникает вопрос в цене, которую общество готово платить за убеждения, не подкрепленные эмпирическими данными и знаниями об объемах конкретных последствий социальной активности наркозависимых лиц.

Заместительная терапия нужна не для того, чтобы вылечить, а для того, чтобы защитить окружающих, сократить вовлеченность в незаконный оборот наркотиков, помочь детям наркозависимых, привлечь последних в процесс реабилитации с наименьшими потерями: без совершения преступлений, с сохранением способности выполнять элементарные работы, заботиться о детях, не распространять заболеваний, находиться в поле зрения учреждений здравоохранения, социальных и иных служб, которые получают возможность ведения системной коррекционной работы.

Полагаем, что вопрос применения подобной терапии должен рассматриваться специалистами, работающими с зависимостями, на основе практических исследований, а не решаться идеологическими соображениями.

Данные соображения наиболее негативно влияют на обеспечения прав на медицинскую паллиативную помощь. В рамках мониторинга наркоситуации данный вопрос не поднимается, хотя напрямую связан именно с жесткостью правил оборота наркотических препаратов, вытекающих из общей антинаркотической политики.

Проблемы паллиативной помощи привлекли внимание законодательных органов с 2015 года из-за громких самоубийств онкобольных в связи с невозможностью получить эффективное обезболивание. В рамках снижения страха врачей перед уголовной ответственностью при использовании наркосодержащих обезболивающих в 2021 году внесены изменения в ст. 228.2 УК РФ (примечание). Однако проблема осталась в иной плоскости: порядок назначения и получения наркотических обезболивающих при необходимости, передача препаратов нуждающимся от умерших пациентов.

Для выяснения действительной ситуации необходимы практические исследования суицидального поведения тяжелобольных лиц в регионе (заметим отравления морфином и кокаином возросло в регионе с 2019 года), доступности эффективной помощи, проверка комплектности укладки бригад скорой помощи и патронажа (зачастую нужных препаратов там просто нет), в частности, остается актуальной проблема максимального сокращения использования врачами опиоидных анальгетиков в Иркутской области. Например, нельзя назначать трамадол лицам старше 65 лет, фентанил нельзя применять при температуре тела выше 37,2

[5]. Также не урегулирован статус медицинских работников ПМП, вопросы маршрутизации пациентов, необходимых форм обезболивающих препаратов (умирающим детям вместо уколов необходимы более экологичные формы сильных обезболивающих), остаются вопросы нерационального использования выделенных денежных средств без учета реальных потребностей паллиативных больных.

Также на практике действительную проблему представляет оформление юридически значимых документов тяжелобольными пациентами в связи с применением наркотических обезболивающих препаратов. Однако люди в таких состояниях под обезболивающими препаратами мыслят яснее, чем испытывая сильные боли, что не учитывается в юридической практике.

Вышеизложенные проблемы составляют только часть проблем, не изученных и не исследованных в рамках оценки действительной эффективности текущей антинаркотической политики и ее реализации. Данная эффективность предполагает определение социально-экономической стоимости и состояния человеческих ресурсов в связи с принимаемыми мерами. Последние в идеале должны обеспечивать реализацию прав человека на здоровье, медицинскую помощь, нормальные условия воспитания и жизни наиболее экологичными способами.

В связи с изложенным необходимо обратить внимание на реальные характеристики современных наркопотребителей, пересмотреть системы взаимодействия с таковыми, перестать игнорировать последствия для окружающих от проблемных наркопотребителей и отсутствие адекватной системы воздействия на них, которая построена на представлениях о должном поведении, а не на реальных поведенческих закономерностях.

Необходимо включить в показатели мониторинга наркоситуации показатели компенсации наркомании, поскольку таковые отражают промежуточные и важные этапы, направленные на реальное улучшение наркоситуации и сокращение негативных последствий наркопотребления.

В контексте законов, политики и практики в отношении наркотиков решения должны приниматься на основании достоверных и проверяемых данных. В данном контексте стоит отметить, что текущий уровень разработки соответствующих программ характеризуется тратой бюджетных средств «вслепую» в расчет на априори достижимые показатели [6].

В частности, в 2021 году в Иркутской области была создана рабочая группа по совершенствованию порядка оказания паллиативной медицинской помощи. На текущий момент достоверных сведений относительно удовлетворенности качеством оказываемой помощи, мнения узких специалистов в назначении эффективных препаратов и проблем применения наркотических анальгетиков, не представлено. При этом возбуждены уголовные дела по фактам отсутствия со стороны профильного министерства эффективных решений в рамках лекарственного обеспечения пациентов при стандартных бюрократических объяснениях [7]. Изложенное указывает на принятие декларативных мер без качественных результатов, когда проблема не устраняется, а постфактум привлекаются к ответственности отдельные лица.

Подводя итоги изложенному, полагаем, оценка соответствия соблюдения прав человека в рамках реализации антинаркотической политики включает в себя оценку доступности адекватной помощи паллиативной помощи, характеристики социально-бытовой сферы жизни различных групп наркопотребителей, наличие системы наблюдения и помощи (патронаж) семей с проблемными наркопотребителями, уровень отказов наркопотребителей от взаимодействия с уполномоченными органами, качество, обеспеченность и адресность программ профилактики аддиктивного поведения (экспертная оценка), наличие конкретных результатов практических профильных исследований в применении терапии заместительного типа, результаты оценки структуры наркопотребителей в регионе (соотношение социально адаптированных с проблемными, обследование учреждений исполнения наказаний без предоставления результатов руководству таких учреждений во избежание рисков искажения данных).

Список источников

1. Антонов А.Г., Витовская Е.В. Об общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Преступление-наказание-исправление. 2016. № 2(93). С. 59-64.
2. Бартнев А. Г. Наркотизация российской молодежи: дифференцированность наркотических практик (социологический анализ) : дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 91–129 ; Дмитриева А. В. Роль потребления наркотиков в структуризации социальных отношений : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012. 309 с. ; Ефлова М. Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2015. 41 с.
3. Березин С. В., Лисецкий К. С., Назаров Е. А. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография. М.: МПА, 2001. 456 с.
4. Васильева М.К. Антинаркотическая безопасность: криминологические особенности и обеспечение (региональный аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2021. С. 131–147
5. Виграйзер. А. Врачи просто не знают и боятся // Лента.ру. 2018. 14 июня. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/14/federmesser/> (дата обращения: 30.08.2019); Vademecum. Интервью Нюты Федермессер. 2017. 13 января. URL: <http://www.hospicefund.ru/intervyu-nyutyi-federmesser-zhurnalu-vademecum/> (дата обращения: 30.08.2019).
6. Серова Е. С. Российская антинаркотическая политика: конфликтологический анализ программно-целевого подхода: региональный уровень : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. С. 89–90
7. Решение Кировского районного суда г. Иркутска от 27.09.2021 г. по гражданскому делу № 2-3739/2021; Апелляционное постановление Кировского районного суда г. Иркутска от 03 февраля 2023 года по уголовному делу № 10-1/2023; соединенное уголовное дело № 122022XXXXXXXXXX3 СУ СК России по Иркутской области.

Суслова Светлана Игоревна

*доктор юридических наук, доцент
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ДАЧУ СОГЛАСИЯ ПРИ ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Несмотря на тот факт, что процесс приватизации жилых помещений в России идет уже более двадцати лет, а многие спорные вопросы, связанные с применением норм Закона РФ от 4 июля 1991 года «О приватизации жилищного фонда (далее – Закон о приватизации) [1], давно разрешены в судебной практике, поток обращений граждан за защитой своих прав, связанных с приватизацией жилых помещений, не прекращается. Возникают новые правовые проблемы, разрешать которые часто приходится в судебном порядке, а в доктрине данные вопросы практически перестали исследоваться.

Обратимся к одному из таких проблемных вопросов, который касается получения согласия на приватизацию жилых помещений.

С одной стороны, законодатель и судебная практика достаточно жестко подходят к вопросу о реализации права на дачу согласия при приватизации, защищая наличие указанной правовой возможности. Понуждение к даче согласия не допускается, а причины, по которым происходит отказ в даче согласия – не должны приниматься во внимание. Другими словами, неважно, почему человек отказывается в даче согласия на приватизацию (не хочет становиться собственником и платить налоги или просто вредничает и желает создать проблемы для своих членов семьи или бывших членов семьи) – судам запрещено оценивать эти причины. Данная правовая позиция сформировалась на уровне Верховного Суда РФ достаточно давно [2], и последовательно проводится в судебной практике [3].

С другой стороны, достаточно интересная ситуация сложилась в области перечня тех лиц, которые должны давать согласие на приватизацию. В первоначальной редакции Закона о приватизации в ст. 2 правом давать согласие наделялись те члены семьи, которые совместно проживали с нанимателем в жилом помещении, а с 2012 года – таким правом наделяются лица, имеющие право на приватизацию жилых помещений. Изменение в законодательство

в этой части объяснялось необходимостью отказа от привязки к факту проживания в жилом помещении, как условия для дачи согласия, что не согласовывалось с правами граждан, а также тем, что отдельные категории граждан не должны давать согласие на приватизацию, даже обладая правом пользования жилым помещением [4]. Такой подход привел на практике к появлению следующих обращений.

Так, граждане, проживающие в жилом помещении по договору социального найма, неожиданно для себя стали узнавать, что квартира, в которой они проживают и которая принадлежит им на законных основаниях, оказывается приватизированной. При этом согласие на приватизацию у гражданина не спрашивается, а собственником жилого помещения становится наниматель или один из членов семьи нанимателя жилого помещения.

Главный нюанс данных ситуаций заключается в следующем: граждане, чье согласие не истребуется при приватизации жилого помещения, ранее уже были участниками отношений по приватизации и, соответственно, уже реализовали свое право на однократную бесплатную приватизацию в соответствии со ст. 11 Закона о приватизации, в которой закреплено, что каждый гражданин имеет право на приобретение в собственность бесплатно, в порядке приватизации, жилого помещения в государственном и муниципальном жилищном фонде социального использования один раз. Наряду с этим, в ст. 2 данного закона закреплено, что приобрести жилое помещение в собственность могут граждане, обладающие правом пользования жилыми помещениями, в общую или индивидуальную собственность, с согласия всех имеющих право на приватизацию данных жилых помещений совершеннолетних лиц и несовершеннолетних в возрасте с 14 до 18 лет.

Приведем конкретный пример. Гражданин получил жилье по социальному найму в 2008 году и длительное время жил там один. Его сын, включенный в договор социального найма еще несовершеннолетним, никогда в квартире не жил, поскольку родители развелись, и он проживал с матерью. Летом 2020 года мужчина узнал, что квартира была приватизирована его сыном (уже ставшим совершеннолетним) в единоличную собственность, а потом подарена матери. Мужчина обратился в суд с иском о признании всех сделок недействительными считая, что нельзя было совершать этих сделок, не получив его согласия.

Три судебные инстанции, рассматривая данный спор, были единодушны и отказали заявителю в удовлетворении его требований. Буквально толкуя ст. 2 Закона о приватизации суды посчитали, что согласие на приватизацию должен дать только тот, кто имеет право на приватизацию, а истец не имел такого права, поскольку ранее участвовал в приватизации другой квартиры. Соответственно, получать его согласие и вообще ставить в известность такого нанимателя или члена семьи нанимателя – не нужно. Данная позиция изложена, например, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 октября 2021 года № 88-15971/2021.

Достаточно формальный подход, изложенный в решении судов, как представляется, основывается еще и на том факте, что судам не приходится решать вопрос о выселении указанных лиц из жилых помещений, поскольку они должны сохранять право проживания на основании ст. 19 Закона о введении в действие ЖК РФ (далее – Вводный закон). Напомним, что в данной норме зафиксировано, что действие положений Жилищного кодекса Российской Федерации в части выселения бывших членов семьи при смене собственника не распространяется на тех бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения, которые в момент приватизации данного жилого помещения имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором. Вместе с тем, данное толкование не является безусловным. Так, в юридической литературе можно встретить утверждения о том, что у лиц с погашенным правом на приватизацию (согласие которых теперь истребовать не нужно), вселившихся в качестве члена семьи в неприватизированное жилое помещение, которое было приватизировано после 16 октября

2012 г., и позднее утративших статус члена семьи, право бессрочного проживания в продаваемом жилом помещении не сохраняется [5]. Согласиться с таким утверждением сложно, поскольку в ст. 19 Вводного закона речь идет ни о лицах, дававших или не дававших согласие, а о сохранении возможности проживать у тех лиц, кто имел равные права пользования в момент приватизации. Абсолютно очевидно, что граждане, указанные в договоре социального найма и не дававшие своего согласия на приватизацию по причине того, что ранее уже использовали свое право на приватизацию, относятся к лицам, имеющими равные с приватизировавшим лицом право пользования жилым помещением.

Нам представляется, что подход, складывающийся по данному вопросу, является достаточно однобоким и формальным, а стремление в 2012 году инициаторов изменений в законодательстве сузить права лиц по даче согласия на приватизацию, оборачивается в настоящий момент существенными рисками для добросовестных граждан.

Выскажем аргументы в пользу защиты прав лица, проживающего в жилом помещении и не имеющего возможности повлиять на процесс приватизации занимаемого им на законных основаниях жилого помещения.

Во-первых, в данной ситуации происходит принудительное прекращение одного субъективного права и возникновение другого. При этом воля лица на прекращение права нанимателя или права члена семьи нанимателя не учитывается. Не лишним будет напомнить, что одним из основных аргументов Верховного Суда РФ, который он использовал, мотивировав свое решение о невозможности понуждения к даче согласия на приватизацию, заключался в том, что в этом случае лицо «заставляют» становиться собственником, фактически понуждая лицо заключить договор приватизации².

Применительно к рассматриваемой ситуации, право нанимателя (или члена семьи нанимателя) принудительно прекращается по воле другого лица и трансформируется в иное субъективное право (опять же помимо воли его обладателя). Именно данный аргумент выдвигался заявителем (Шевченко Андреем Александровичем) при обращении в Конституционный Суд РФ: «По мнению заявителя, оспариваемое законоположение противоречит Конституции Российской Федерации, в частности ее статьям 19 (часть 1), 40 и 55 (часть 2), поскольку позволяет приватизировать жилое помещение без согласия гражданина, имеющего в качестве бывшего члена семьи нанимателя право пользования данным жилым помещением и ранее участвовавшего в приватизации иного жилого помещения, а также прекращать договор социального найма и отчуждать жилое помещение без учета мнения такого гражданина» [6].

К сожалению, Конституционный Суд РФ не стал глубоко вникать в данный вопрос, в очередной раз указав, что право на приватизацию не имеет конституционного закрепления и не подпадает под характеристики основных прав и свобод человека и гражданина, а потому, не усмотрел нарушения в данной жалобе конституционных прав заявителя.

Однако, речь в данном случае идет не о праве на приватизацию жилого помещения, а о праве граждан на жилище в контексте недопустимости его произвольного лишения, поскольку такая ситуация приводит к нарушению базовых принципов гражданского и жилищного права. В частности, в ст. 1 ЖК РФ закреплено, что граждане свободны в установлении и реализации своих жилищных прав в силу договора и (или) иных предусмотренных жилищным законодательством оснований.

2 * Кроме того, суд первой инстанции своим решением возложил на Курбаналиева А.К. обязанность иметь в собственности жилое помещение, тем самым фактически понудив к заключению договора о передаче жилья в собственность в нарушение ч. 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации (о праве частной собственности), ч. 2 ст. 1 (о свободе установления гражданами своих прав и обязанностей на основе договора) и ч. 1 ст. 421 ГК РФ (о свободе договора), тогда как ни ГК РФ, ни ЖК РФ, ни Законом Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» не предусмотрено возможности возложения на граждан обязанности по приобретению жилого помещения в собственность в порядке приватизации (см.: Определение Верховного Суда РФ от 06 марта 2012 г. № 5-В11-127 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

Во-вторых, несмотря на то, что право на приватизацию уже было реализовано, в настоящее время данный гражданин может не иметь ни в собственности, ни на других правовых основаниях другого жилья. Кроме того, раз ему было предоставлено жилое помещение по договору социального найма еще раз, значит государство признало его нуждающимся и малоимущим, нарушения законодательства в части намеренного ухудшения жилищных условий не установлено. Жилое помещение, которое было ранее приватизировано, могло быть признано непригодным, многоквартирный дом аварийным, оно могло быть разрушено в результате стихийных бедствий и т.д. Соответственно, как минимум, требуется установления дифференцированного подхода к условиям дачи согласия на приватизацию при использовании права на однократную бесплатную приватизацию.

В-третьих, как представляется, обсуждаемая инициатива законодателей в 2012 году во многом была предопределена экономическими, а не социальными факторами. Дело в том, что в тот период еще существовала уверенность в том, что процесс приватизации в ближайшее время завершится, что необходимо создавать условия для того, чтобы как можно больше жилья переходило в частную собственность, а состав публичной собственности в жилищной сфере уменьшался. Как в далеком 1992 году для ускорения процесса приватизации была отменена частичная плата за передаваемые в собственность квадратные метры, так и 2012 году начали убирать препятствия для осуществления процесса приватизации. А отсутствие согласия одного из членов семьи – это на сегодняшний момент одно из самых распространенных оснований, по которым квартиры не переходят в частную собственность.

Все сказанное в совокупности свидетельствует о том, что вопрос о получении согласия лиц, которые когда-то участвовали в приватизации, требует пересмотра и переоценки. Обращения граждан к Уполномоченному по правам человека в Иркутской области подтверждает сказанное.

Так, по одному из обращений было установлено, что заявительница проживала длительный период в жилом помещении по договору социального найма, являясь членом семьи нанимателя. Наниматель – сын – долгое время находился в местах лишения свободы. Мама давно участвовала в приватизации совместной с мужем однокомнатной квартиры, которую продали много лет назад, поскольку требовались деньги на лечение. Сын всячески старался лишить маму права проживания, но суды проиграл. Мама, как констатировали суды, имеет право проживания в жилом помещении. В итоге – сын приватизировал квартиру в единоличную собственность без ее согласия и продал долю в ней постороннему лицу.

В настоящее время мама боится остаться на улице, поскольку не уверена в сохранении за ней права проживания после того, как изменился статус жилого помещения, а также справедливо полагает, что условия ее проживания существенно ухудшатся, поскольку в жилое помещение имеет право вселиться и проживать посторонний для нее человек (новый собственник) вместе с членами своей семьи. Более того, являясь собственником доли, данное лицо имеет право вселять любых лиц в данное жилое помещение и согласовывать свои действия с заявительницей уже не требуется, поскольку речь уже не идет о договоре социального найма.

Вряд ли законодатели прогнозировали такое развитие событий, защищая право гражданина на приватизацию без получения согласия всех лиц, имеющих право пользования данным жилым помещением. Очевидно, что ни о какой справедливости и учете прав и интересов всех участников жилищных отношений речи не идет. Однако, пока, с учетом изложенных подходов, сформировавшихся в судебной практике, разрешение данных споров происходит не в пользу лиц, когда-то реализовавших право на однократную бесплатную приватизацию. Правда, нами не обнаружено высказанной на этот счет позиции Верховного Суда РФ, что позволяет надеяться на возможный пересмотр подходов судебной практики по данному вопросу.

Список источников

1. Закон РФ от 04 июля 1991 г. № 1541-1 (ред. от 11.06.2021) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.
2. Определение Верховного Суда РФ от 06 марта 2012 г. № 5-В11-127 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».
3. См., например, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02 ноября 2022 г. по делу № 88-28300/2022 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/70002-6>
5. Илюшина М.Н. Права членов семьи собственника жилого помещения в контексте изменений законодательства о сделках и договорах // Семейное и жилищное право. 2018. № 6.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2015 г. № 919-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 2 и частью первой статьи 11 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»» (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

Татарников Владимир Германович

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЛИЧНОСТИ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ

Преступления, совершаемые с применением оружия, представляют наибольшую общественную опасность при посягательствах на такие права личности как жизнь и здоровье.

Криминологические исследования показывают, что одной из неблагоприятных тенденций преступности в нашей стране является совершение преступлений с применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Нахождение в незаконном обороте достаточно большого количества огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ является наиболее дестабилизирующим оперативную обстановку фактором, обуславливающим совершение тяжких и особо тяжких насильственных преступлений [1].

Такой признак состава преступления как применение оружия является достаточно традиционным для российского уголовного законодательства, поскольку он присутствовал во всех уголовных кодексах как советского, так и постсоветского периода. Общим в уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов, а также УК РФ 1996 г. является наличие в них составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за незаконное владение оружием. Это нормы об ответственности за хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения (ст. 220 УК РСФСР 1922 г.), изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, а равно огнестрельного (кроме охотничьего) оружия без надлежащего разрешения (ст. 182 УК РСФСР 1926 г.), незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ - ст. 218 УК РСФСР 1960 г. В действующем УК РФ 1996 г. имеется статья 222 об ответственности за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов.

Содержание указанных норм имеет ряд различий, в том числе по предмету преступления. Так если в ст. 218 УК РСФСР 1960 г. предметом преступления было не только огнестрельное, но и холодное оружие, то в действующем УК РФ (статья 222), холодное оружие таковым не является. Имеются существенные различия и в описании объективной стороны составов рассматриваемых преступлений. Так если в диспозиции ст. 220 УК РСФСР 1922 г. уголовно-наказуемое деяние описывается как хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения, то в ст. 222 УК РФ 1996 г. таковым является **незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов**. Существенно отличаются и санкции за указанные преступления. Если ст. 220 УК РСФСР 1922 г. предусматривала за данное деяние только принудительные работы, то ч. 1 ст. 218 УК РСФСР 1960 г. за ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или взрывчатых веществ без соответствующего разрешения предусматривала лишение свободы на срок от трех до восьми лет.

Вместе с тем, хотя указанные нормы имеют существенные различия, принимались в разные исторические периоды, их объединяет общая направленность описываемых в них преступлений на общественную безопасность. Такой вывод вытекает из размещения их составов в соответствующих главах (разделах) уголовного кодекса. Так в УК РФ 1996 г. это глава о преступлениях против общественной безопасности, в УК РСФСР 1922 г. - глава о нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность, и публичный порядок, в УК РСФСР 1926 г. - глава о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, в УК РСФСР 1960 г. - о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Общественная опасность, деяний, связанных с незаконным оборотом оружия очевидна, но еще более очевидным является то, что применение оружия в преступных целях представляет гораздо большую общественную опасность, чем его хранение и другие подобные действия.

В российском уголовном законодательстве как советского, так и постсоветского периода, применение оружия выступало в качестве одного из квалифицирующих признаков разбоя, например, ч. 2 ст. 162 УК РФ 1996 г., п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР 1960 г.). За подобные преступления, предусмотрена строгая ответственность. А в соответствии с ч. 2 ст. 167 УК РСФСР 1926 г. вооруженный разбой влек за собой не только лишение свободы на срок до 10 лет, но при особо отягчающих обстоятельствах даже высшую меру социальной защиты (смертную казнь).

Как известно, разбой - преступление против собственности, а дополнительным его объектом является жизнь и здоровье поскольку при его совершении причиняется вред не только отношениям собственности, но и личности - ее жизни и здоровью [2].

Что же касается преступлений против личности, то в Уголовных кодексах советского периода в главах о таких преступлениях применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия не предусматривалось в качестве признака состава преступления. В УК РФ 1996 г. в первоначальной редакции применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия в разделе о преступлениях против личности было использовано только при описании квалифицированного состава похищения человека в п.«г» ч. 2 ст. 126 УК РФ.

В законодательстве советского периода применение оружия предусматривалось в качестве признака состава против общественного порядка, например при описании особо злостного хулиганства. Так ч. 3 ст. 206 УК РСФСР 1960 г. предусматривала, повышенную ответственность за такого рода деяния, если они совершены с применением или попыткой применения огнестрельного оружия, либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений.

В УК РФ 1996 г. повышенная ответственность за хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 213 УК РФ), была введена лишь Федеральным законом от 30.12.2020 N 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации»[3].

Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 21.07.2014 N 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» [4]. В этой связи применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, было включено в описание целого ряда составов преступлений против личности. Это умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ).

В целом подход к усилению ответственности за такие преступления является правильным, поскольку при применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия, повышается не только вероятность причинения вреда, но и тяжесть последствий. Кроме того, применение виновным оружия снижает возможности потерпевшего по защите от общественно опасного посягательства.

Однако анализ действующего уголовного законодательства показывает, что несмотря на усиление уголовной ответственности за преступления против личности, совершаемые с применением оружия, в целом уголовно-правовая охрана личности от такого рода посягательств выглядит недостаточно логично и последовательно.

Характер общественной опасности преступлений, составы которых предусматривают применение оружия, определяется тем, что оружие прямо или косвенно связано с причинением вреда жизни или здоровью личности [5]. Применение оружия при совершении таких преступлений как умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести, хулиганство, разбой и т.д., непосредственно направлено на причинение физического вреда личности. Деяния связанные, например, с небрежным хранением оружия (ст. 224 УК РФ), представляют общественную опасность, поскольку создают угрозу выхода оружия из под контроля владельца и использования его лицами, не имеющими на это право (например, преступными элементами, недееспособными лицами, детьми и т.п.).

Очевидно, что преступления, при совершении которых оружие используется в качестве орудия причинения физического вреда, представляют наибольшую общественную опасность вне зависимости от того является ли жизнь и здоровье непосредственным объектом преступления (например, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью - п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ), либо дополнительным объектом (например, при злостном хулиганстве - ч. 2 ст. 213 УК РФ).

Бесспорно также, что причинение более тяжкого вреда дает основания для включения применения оружия в описание соответствующего состава преступления и, соответственно, применения более строгих мер наказания. В этой связи выглядит странным отсутствие в диспозиции ч. 2 ст. 105 УК РФ такого квалифицирующего признака как применение оружия. Если применение оружия является квалифицирующим признаком даже для причинения легкого вреда здоровью, то тем более логично признать данный признак квалифицирующим убийство.

Указанные изменения не затронули и другие преступления против личности, при совершении которых, как показывает практика, применяется оружие или предметы, используемые в качестве оружия. К таким преступлениям можно отнести, например, истязание (ст. 117 УК РФ). В юридической литературе справедливо отмечается, что истязание может быть связано, например, с причинением множественных, но небольших повреждений тупыми или остроколющими предметами, и иными аналогичными действиями [6]. Очевидно, что применение

оружия или предметов, используемых в качестве оружия при истязании не менее, а скорее более опасно, чем при причинении легкого вреда здоровью. Поэтому отсутствие данного квалифицирующего признака при описании истязания представляется нелогичным.

В этом и других подобных случаях обращает на себя внимание отсутствие единого подхода законодателя к включению такого признака как применение оружия в описание различных составов насильственных преступлений, связанных с посягательством на права и свободы личности. Так разбой описывается как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 162 УК РФ). То есть угроза жизни и здоровью является одним из признаков состава данного преступления и служит средством достижения целей преступления - завладения чужим имуществом. При этом, если такая угроза сопровождалась применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, это качественно повышает общественную опасность преступления, и данный признак признается квалифицирующим.

Такой подход к конструкции состава вполне логичен. Однако этого нельзя сказать о целом ряде составов других преступлений, при совершении которых оружие или предметы, используемые в качестве оружия, применяются для достижения других целей. К ним можно отнести, например, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Конструкция квалифицированных составов половых преступлений, совершаемых с применением физического или психического насилия, предполагает, что они могут сопровождаться угрозой убийства и причинением тяжкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ).

Как показывает практика для подавления сопротивления потерпевших помимо физической силы применяется как оружие, так и предметы, используемые в качестве оружия. Угроза убийством при изнасиловании как средство подавления сопротивления потерпевшей может выражаться например, в демонстрации оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия [7]. Такая трактовка угрозы дана и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [8].

Очевидно, что применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия делает такую угрозу, так сказать, более действенной по отношению к потерпевшим и облегчает преступнику достижение целей преступления по сравнению со случаями, когда такая угроза не высказывается.

Возникает вопрос, почему в составе разбоя угроза, связанная с применением оружия (например, ножа) и предметов, используемых в качестве оружия (например, заточки), является квалифицирующим разбой признаком, а в составе изнасилования такая же угроза с применением тех же видов оружия не влияет на квалификацию? Разве применение оружия при изнасиловании менее опасно, чем при разбое? Скорее наоборот - оно более опасно, поскольку цель разбоя - завладение чужим имуществом, а изнасилование направлено на личные права, связанные с половой свободой и неприкосновенностью.

Еще более очевидной является повышенная общественная опасность убийств, совершаемых с применением оружия. В этом случае преступник с гораздо большей вероятностью может лишиться потерпевшего жизни, даже в случае, если физическое или численное преимущество на стороне потерпевших. Более того, как показывает практика, некоторые виды убийств совершаются преимущественно с применением наиболее опасных видов оружия, к которым относится, в первую очередь, огнестрельное оружие. Так по данным А.В. Хмелевой с использованием огнестрельного оружия совершено 60% убийств по найму, в то время как с использованием колюще-режущего оружия совершено 25% такого рода преступлений [9].

Обращает на себя внимание тот факт, что совершение преступления по найму является квалифицирующим признаком не только убийства, но и умышленного причинения тяжкого

вреда здоровью (п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ). При этом квалифицирующим признаком данного преступления является также применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ). Возникает естественный вопрос: почему при описании преступлений против здоровья, совершенных по найму, применение оружия также является квалифицирующим признаком, а при описании убийства по найму этот признак не учтен в качестве квалифицирующего?

Очевидно, что такого рода орудия и средства совершения преступления усиливают поражающий эффект преступного действия, увеличивают вред, причиняемый объекту уголовно-правовой охраны и повышают общественную опасность деяния [10]. Указанное утверждение касается не только убийств и умышленных преступлений против здоровья, но и других насильственных посягательств на права личности.

Наличие в Общей части УК РФ нормы, которая применение оружия при совершении преступления относит к числу отягчающих наказание обстоятельств, не решает проблему.

Пункт «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусматривает, что отягчающим обстоятельством является совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения.

Такая формулировка охватывает и ненасильственные преступления, например, использование снотворного препарата для облегчения кражи. Преступления, хотя и совершаемые с применением оружия, но не имеющие целью реальное причинение физического вреда, например, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Угроза оружием или другими подобными предметами может быть частью объективной стороны и насильственных преступлений, например таких как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3 ст. 150 УК РФ), вовлечений в занятие проституцией с применением насилия или с угрозой его применения (п.«а» ч. 2 ст. 240 УК РФ), принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких (ч. 2 ст. 309 УК РФ).

На наш взгляд, рассматриваемое отягчающее обстоятельство, прежде всего необходимо учитывать при совершении таких преступлений, которые не направлены на причинение физического вреда личности, но облегчающее достижение иных целей преступления (например, добиться от свидетеля выгодных виновному показаний), а также преступлений, при совершении которых применение или угроза применения оружия или предметов, используемых в этом качестве, не является типичным.

Поэтому что касается описания насильственных преступлений против личности, направленных на причинение вреда важнейшим ее правам (жизни, здоровью, половой свободы или половой неприкосновенности и т.п.), то при описании таких преступлений необходимо учитывать применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия именно как квалифицирующий признак. В этой связи данный признак должен учитываться не только при описании умышленного причинения вреда здоровью различной тяжести, но и таких преступлений как убийство, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, другие подобные преступления, где оружие применяется для облегчения достижения целей преступления.

В этой связи ч. 2 ст. 105 УК РФ следует дополнить пунктом «а-1» следующего содержания: «совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия».

Список источников

1. Мармута И.Л. Анализ последних изменений норм уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих ответственность за незаконный оборот оружия // Вестник севКавГТИ. 2015, №3(22). с. 151-154
2. Вишняков А.С. Особенности юридической квалификации разбоя. В сборника: Современная наука и молодые ученые. Сборник статей III международной научно-практической конференции. Пенза. 2020, с. 135-137.
3. Федеральный закон от 30.12.2020 N 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.01.2021, N 1 (часть I), ст. 82.
4. Федеральный закон от 21.07.2014 N 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» - «Собрание законодательства РФ», 28.07.2014, N 30 (Часть I), ст. 4228.
5. Татарников В.Г. Уголовно-правовая охрана личности. Иркутск, 2007.
6. Багун Э.А. Некоторые вопросы объективной стороны побоев и истязания. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2008. № 9, с. 243-253.
7. Федорова Т.А. Угроза применения насилия как признак объективной стороны изнасилования. Вестник Восточно-Сибирской открытой Академии. 2021. № 40, с.10
8. «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 2, февраль, 2015, с. 10.
9. Хмелева А.В. *Криминалистическая характеристика убийств, совершенных по найму* // Проблемы права. 2015. № 3 (51). С. 137-140. С. 138
10. Федышина П.В. Соотношение способа совершения преступления и иных признаков объективной стороны. Криминалистика. 2022. № 4 (41). С. 36-41.

Фомина Инна Анатольевна

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

БУЛЛИНГ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

Защита всех детей от издевательства и насилия, в том числе в школах, является одним из стратегических приоритетов текущей Стратегии Совета Европы по правам ребенка на 2022-2027 годы [1], и, несмотря на то, что Россия утратила членство в марте 2022 года, достаточно массовое распространение и слабое законодательное регулирование вопросов буллинга в отношении детей в Российской Федерации, требует уделения серьезного внимания данному негативному институту, который в последнее время набирает колоссальные обороты. При этом оценить истинные масштабы буллинга сложно – во многом из-за того, что до сих пор нет единого подхода к его измерению. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) о буллинге в 2021 году, «чаще всего россияне сталкивались с травлей во время учебы в школе (38%), на работе (32%), в семье при общении с родственниками (15%), во время учебы в вузе или колледже (13%), в компании знакомых (12%). Кроме того, 11% сталкивались с травлей в армии, а 7% — в интернете» [2].

В рамках другого исследования, проведенного Высшей школой экономики «Буллинг в российских школах», говорится, что «в школьную травлю бывает вовлечено от 4% (выступают в роли жертвы или агрессора в физической травле) до 45% учеников (вовлечены в словесную травлю или выступают в качестве свидетеля) – разница лишь в том, является она физической или словесной» [3].

Почему так важно не просто говорить о существовании проблемы издевательства в школьной среде, но и учитывать данный фактор (институт буллинга в школе) при разработке уголовной политики в рамках профилактики преступности среди несовершеннолетних?

Дело в том, что ребёнок приходит в этот мир, как говорится, «*tabula rasa*», то есть «чистый лист», и именно от того, как воспитать ребенка, будет зависеть его дальнейшая жизнь: будет этот человек успешным в будущем или опустится на самое дно, и большое значение и место в этом занимает процесс социализации. В основе социализации человека и становлении его как

личности лежит взаимодействие его с окружающей социальной средой, при этом, начиная с младенчества, человек будет активно впитывать все то, что он видит, слышит, чувствует, воспринимает. Он будет копировать поведение окружающих пока не научится оценивать, думать, рассуждать. Пока не придёт понимание и усвоение всех культурных и моральных норм и ценностей окружающего его общества, а также процессов саморазвития в обществе, к которому принадлежит ребенок.

Говоря в целом, социализация – это процесс усвоения социальных норм, ценностей и принципов, которые существуют в данном обществе, а также усвоение тех правил поведения, которые активно используются членами такого общества. При этом процесс социализация – это необходимый и обязательный элемент обучения ребёнка по его приспособлению к обществу, который обязателен для адекватного и гармоничного развития личности.

Человек существо социальное и социализация, которая опирается на национальную культуру, устои, обычаи, традиции, существующие в данном конкретном обществе, является неотъемлемой составляющей в рамках социального роста ребёнка как члена этого общества. Без социализации, гармоничное вхождение в общество его нового члена очень затруднительно, а в подавляющем числе случаев – невозможно.

Воспитание и социализация ребенка происходят под влиянием, так называемых агентов социализации, то есть тех институтов или групп, благодаря которым ребенок усваивает те или иные нормы, ценности и правила поведения.

Родители, семья, друзья, окружение сверстников и другие коллективы и единицы общества – призваны помочь ребёнку благополучно пройти процесс социализации. Конечно, главная роль здесь отводится семье, через которую происходит первичная социализация. Именно здесь ребёнок узнаёт о наличии норм, ценностей, правил, узнаёт, что такое «ожидаемое поведение» и социальные роли. Учится основам взаимодействия с обществом, учится понимать и рассуждать, учится защищаться, решать проблемы. Именно в семье прививаются такие понятия как добро и зло, уважение, любовь, дружба, ответственность, обязанности и другое. При этом социализация, как непрерывный процесс обучения, осуществляемый в рамках механизма эмоционального заражения, с течением времени становится всё более и более осознанным.

Так как ребёнок является составной и активной ячейкой общества, вхождение в которое он предполагает, со временем ему приходится расширять границы общения, знакомиться с другими социальными коллективами, которые также вносят свой вклад в процесс его социализации. И если в раннем возрасте (до 3-х лет) важнейшая роль агентов социализации отводится отдельным лицам: родителям, бабушке и дедушке, ближайшему окружению малыша (то есть тех людей, которые контактируют с ним с рождения и в первые годы жизни), то с 3-х лет в работу по социализации постепенно добавляются другие агенты (детский сад и другие образовательные учреждения). Одним из них является школа, которая относится ко вторичной социализации.

Характеризующие составляющие самой школы, учителя и группы сверстников (в первую очередь, коллектив класса) влияют на социализацию ребёнка в школьных условиях. Конечно, семья остаётся и играет важную роль в социализации школьника, однако в его круге общения и взаимодействия появляются другие знаковые и значимые люди, которые могут оказать на него и его социализацию как положительное, так и негативное влияние.

Школьная обстановка – это место, где происходит освоение и усвоение новой социальной роли – роли ученика, одноклассника, старосты, школьного друга, товарища и другие. Да, в семье ребёнок тоже учится, но, как правило, это происходит интуитивно, по наитию, через эмоциональное заражение. Многие родители не считают необходимым отводить время специально на обучение в такой форме, как это делается в школах (возможно, это и не нужно делать именно в такой форме). Кроме того, именно в школе дети начинают осваивать такой

элемент социальной действительности как власть и подчинение: они подчиняются власти учителя, правилам, существующим в школе (искусственно созданным правилам конкретного учреждения), и учатся быть учениками.

Между тем следует понимать, что общение и взаимодействие происходит не только в рамках системы «ученик-учитель», немаловажную роль и место здесь занимает также общение по типу «ученик-ученик» и «ученик-группа учеников», и результат такой социализации напрямую зависит от того, как взаимодействуют все элементы между собой. Поэтому уделение внимание только проблемам взаимоотношений «ученик-учитель» и игнорирование внутри-коллективного общения между учениками, неизбежно приведёт к возникновению различных форм девиаций. Почему? Потому что процесс социализации начинает происходить хаотично. Сверстники обладают практически одинаковым уровнем социализации. Соответственно процесс социализации происходит не в форме обучения и усвоения, а через пробы и ошибки, проверку границ дозволенного, экспериментирование.

Не секрет, что в современном обществе, одной из наиболее актуальных проблем социализации в школе называют травлю или буллинг, то есть издевательство – это любое нежелательное или агрессивное поведение со стороны кого-либо, кто намеренно пытается расстроить, причинить вред. Более того, если раньше издеательства строились по принципу параллели «ученик-ученик», то в настоящее время учителя, наряду со школьниками, также становятся жертвами травли. При этом в настоящее время эта травля не имеет каких-то моральных и этических границ: способы оскорбления и даже унижения выходят за границы понимания. В учителя во время урока могут плюнуть или даже ударить, сопровождая это всё восторженными возгласами и записью на видео, с последующим выкладыванием в сеть.

Термин «буллинг» был сформулирован норвежским профессором психологии из Университета Бергена Даном Олвеусом. Он дал первое определение этому термину – «вид насилия, предполагающий агрессивное преследование одного из членов команды» [4]. Понимание буллинга эволюционировало вместе с исследованиями этого явления на протяжении трех последних десятилетий. Одно из современных определений звучит так: «Буллинг – агрессивное, целенаправленное поведение, которое наносит вред другому индивиду в контексте дисбаланса власти» [5]. В качестве основных разновидностей буллинга в школах по воздействию можно выделить:

- физическое насилие (различные виды физического нападения и избиения);
- словесную травлю (оскорбление и насмешки, троллинг, неуместные шутки)
- социально-психологическое воздействие (изоляция и бойкот, распускание сплетней, спекуляции и манипуляции слухами, настраивание против);
- экономические манипуляции (вымогательство, порча или кража вещей, денег, одежды);
- кибер-буллинг (издевательства, которые происходят с помощью цифровых устройств, таких как сотовые телефоны, компьютеры и планшеты). Кибер-издеательства включают отправку, размещение или распространение негативного, вредного, ложного или подлого контента среди одноклассников, на форумах школы, в социальных сетях. Это самый опасный (так как нет способа надежно защититься от него) и самый «молодой» вид буллинга.

Жертва, агрессор и свидетели – все они являются участниками буллинга, а, следовательно, это травля оказывает влияние на них, вне зависимости от степени участия. Самому серьёзному воздействию подвергается жертва, даже в периоды прекращения издевательств она постоянно переживает эмоции унижения снова и снова. Несмотря на то, что свидетели не принимают непосредственного участия в травле, они испытывают стыд и вину из-за своего пассивного поведения и страха поменяться с жертвой местами. Так же будет ошибкой думать, что агрессор не подвергается негативному воздействию. Чувство собственного достоинства, всемогущества и крутости, которое он достигает через унижение и доминирование над жертвой, приводит к появлению чувства безнаказанности. В результате чего у них по-

являются девиантные и криминальные мысли, которые ведут к разрушению их личности и желанию попробовать большего. По статистике, с буллингом сталкивается каждый третий ребенок, каждый десятый – молчит о своей проблеме, более 30% респондентов сообщили, что подвергались травле в школе и помнят это до сих пор, еще 6% не только подвергались травле, но и сами выступали в роли агрессоров, 4% участников исследования страдали от буллинга и после школы, при этом активными участниками школьной травли зачастую становились бывшие жертвы буллинга [6].

По тяжести школьный буллинг можно соотнести с домашним насилием. У жертвы могут появляться различные депрессивные расстройства и психосоматические заболевания, проблемы со сном, обостряются хронические заболевания. Наиболее серьезной реакцией на издевательства являются «буллицид» – самоубийство, где причинным фактором является буллинг или его попытки, и «скулшутинг», когда ребенок больше не может терпеть травлю и хочет отомстить. Кстати, самый известный случай самоубийства по причине травли произошел в США в 2006 году, когда 13-летняя девочка со своей матерью издевались над другой девочкой в социальной сети «My space». Жертва не смогла вынести домогательств и покончила с собой [7].

В результате сильного деструктивного воздействия такого явления как буллинг, происходит разрушение сразу нескольких личностей, вовлеченных в травлю. О нормальной социализации уже не может быть и речи. Поэтому самым оптимальным является не борьба с травлей, а её профилактика.

Профилактика насилия в школе – это, в первую очередь, правильное отношение взрослых к этой проблеме. Именно поэтому так важно начинать профилактику буллинга с информирования детей о пагубных последствиях издевательств и о том, что их действия оказывают влияние на других. При этом, различные программы профилактики травли в школе, основанные на наказании и нулевой терпимости, не доказали своей эффективности [8], они часто непропорционально нацелены на детей из неблагополучных семей. Более того, мероприятия по профилактике буллинга, предусматривающие вовлечение школьников, когда на них возлагают ответственность за разрешение конфликтов, могут усилить издевательства (не зря же взрослых жертв жестокого обращения никогда не просят «разобраться» со своим мучителем). В этой связи целесообразным и обоснованным будет являться повсеместное обязательное внедрение общешкольных программ обучения правам человека и гражданственности, как первоначальный и наиболее общий этап профилактики буллинга, в рамках которых учащимся будет объясняться значение существования такого института как «права человека», и последствия их нарушения и умаления.

Следующим направлением является работа с учителями, которые должны четко понимать и осознавать свою роль в профилактике буллинга. К сожалению, современные исследования и наблюдения показывают, что многие учителя пропускают большинство случаев издевательств и не помогают учащимся, когда их об этом просят. Более того, некоторые учителя сами запугивают учеников или проявляют недостаток сочувствия к детям, над которыми издеваются. Наиболее оптимальным является введение специальных курсов или тренингов для учителей по обучению профилактики буллинга и конфликтов школьной среде. Исследование, в котором приняли участие 36 учителей первого класса [9], показало, что, когда учителя более эмоционально поддерживали учеников, дети были менее агрессивны и имели больший поведенческий самоконтроль по сравнению с использованием методов управления поведением, которые не улучшали самоконтроль учащихся.

Иногда взрослые путают нормальные процессы развития с издевательствами. Например, дети начинают реорганизовывать свои дружеские отношения в середине начальной школы, что, естественно, может привести к возникновению обидных чувств и межличностных конфликтов. Однако это не следует неправильно истолковывать как издевательства, которые включают преднамеренную, повторяющуюся агрессию в условиях дисбаланса власти.

Нормальное развитие также включает экспериментирование с властью, и эту нормальную динамику следует безопасно направлять на развитие здорового чувства самостоятельности, а не на вредное проявление власти над кем-то другим.

Наконец, наступление половой зрелости знаменует собой начало повышенной чувствительности к социальным отношениям, особенно важное время для развития навыков более добрых и нежных отношений. К сожалению, это период, когда издевательства достигают максимума. И хотя некоторые стратегии хорошо работают для детей младшего возраста (например, советы «рассказать о буллинге взрослому, которому доверяют»), этот вариант может не сработать с подростками. Подросткам старшего возраста требуются менее дидактические подходы, которые усиливают их потребность в автономии, одновременно подтверждая их ценности и ища смысл. Физиологически изменения в мозге в период полового созревания дают второй шанс для перестройки их системы регулирования стресса. Этой возможностью следует конструктивно воспользоваться. Необходимо также учитывать индивидуальные различия между детьми (различаются по своему темпераменту, чувствительности, сильным сторонам и уязвимости). Это всё следует учитывать, что требует нетрадиционной гибкости со стороны педагогов. При этом, чтобы быть эффективными, навыки должны быть полностью внедрены в учебные программы и в течение всего дня, во всех условиях и внедряться всеми взрослыми – другими словами, внедряться в экосистему. Успешны только те подходы, которые используются и преподаются по назначению.

Мероприятия по профилактике буллинга обхватывают разного рода формы: «развитие коммуникативных умений и навыков устойчивости, бесконфликтного общения, волевых качеств, эмоционального интеллекта, и др.; тематические беседы; совместные выезды на природу, музеи, театр, в кино, и др.; классные часы; родительские собрания; дискуссионный клуб; диспуты; сказочный тренинг; волонтерский проект; психологические тренинги по сплочению коллектива; сказкотерапия; игротерапия; семинары» [10].

Школам не всегда нужны официальные программы, помогающие учащимся узнать о буллинге и мерах по его профилактике. Школы могут включать тему предотвращения издевательств в стандартные уроки и традиционные ежегодные школьные мероприятия, например:

- поручить школьникам провести исследования в Интернете или библиотеках, например, по поиску видов травли, способов их предотвращения и как дети должны реагировать и презентовать это на классном часе;
- разговоры о главном на такие темы, как «сообщения о буллинге»;
- творческие мероприятия, например, написание стихотворений, эссе, в котором ученик высказывается против издевательств, или рассказ или сценка, в которых учащиеся рассказывают, как помочь;
- художественные работы, такие как, например, коллаж об уважении или последствиях издевательств.

Кроме того, эффективными мероприятиями по профилактике буллинга в школах будет:

- создание позитивного школьного климата. Школы с позитивным климатом способствуют здоровому развитию, в то время как негативный школьный климат связан с более высоким уровнем издевательств со стороны учащихся, агрессии, виктимизации и ощущения небезопасности. Элементы позитивного климата могут варьироваться, но часто включают нормы, касающиеся чувств и отношений, власти и способов ее выражения, использование информационных технологий. Тем самым разрабатываются и внедряются социально одобряемые нормы и правила поведения в школьной среде. В которой комфортно всем её участникам. В реформировании школьного климата должны участвовать все заинтересованные стороны – учащиеся и родители, а также администрация и учителя, – чтобы можно было решить специфические проблемы школы и сохранить колорит местной культуры. Периодически можно проводить оценку климата в школах, чтобы отслеживать влияние улучшений;

- социальное и эмоциональное обучение – обучение навыкам самосознания, самоуправления, социальной осведомленности, принятия ответственных решений и управления взаимоотношениями. Стратегии социально-эмоционального обучения (SEL) развивают навыки, связанные с когнитивным развитием, стимулируют сосредоточенность и мотивацию школьников, улучшают отношения между учащимися и учителями, повышают уверенность школьников в себе и их успешность.

Нельзя умалять и роль родителей в профилактике буллинга. Эта роль заключается в первую очередь в том, что родители должны не только защитить ребенка, но и научить его правильно общаться с окружающими его людьми. Они должны рассказывать своим детям о буллинге и о том, как они могут защититься от него.

Действительно трудно избежать насилия и агрессии в нашей повседневной жизни. Ребенок должен уметь говорить «нет», не поддаваться на провокации сверстников и знать, что делиться проблемами со взрослыми неплохо, что они могут помочь их решить, и это лучше, чем делать это совсем в одиночку – семья не отталкивает, а поддерживает в трудный час.

У детей больше шансов преуспеть, когда мы воспитываем в них человечность и предлагаем им механизмы, стратегии и ценности, помогающие идентифицировать, выражать и, таким образом, регулировать свои чувства. В этой связи родителям, учителям и администрации школы по-новому необходимо осознать сложные корни издевательств и принимать новые стратегии борьбы с ними. Дети рассчитывают на нас.

Список источников

1. Strategy for the Rights of the Child (2022-2027): Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: [Strategy for the Rights of the Child \(2022-2027\) - Children's Rights \(coe.int\)](https://www.coe.int/t/t09/children/strategy/strategy_for_the_rights_of_the_child_2022-2027.pdf)
2. Буллинг, он же травля: масштаб проблемы и пути решения [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bulling-on-zhe-travlja-masshtab-problemy-i-puti-reshenija>
3. 60% учителей не видят проблем с буллингом в школах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/11/11/895536-60-uchitelei>
4. Bullying is a type of violence [Электронный ресурс]. URL: <https://gdemoideti.ru/blog/ru/ostanovit-travlyu-metody-borby-s-byllingom>
5. Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. (2021) Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 3. С. 62.
6. Шатрова И. Как навсегда остановить травлю: методы борьбы с буллингом в РФ и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://findmykids.org/blog/en/bullying-at-school>
7. Bullying is a type of violence [Электронный ресурс]. URL: <https://gdemoideti.ru/blog/ru/ostanovit-travlyu-metody-borby-s-byllingom>
8. What Are the Best Ways to Prevent Bullying in Schools? [Электронный ресурс]. URL: https://greatergood.berkeley.edu/article/item/what_are_the_best_ways_to_prevent_bullying_in_schools
9. Eileen Merritt and other. The Contribution of Teachers' Emotional Support to Children's Social Behaviors and Self-Regulatory Skills in First Grade // School Psychology Review. 2012. Volume 41. № 2. pp. 141–159.
10. Сластихина О.А., Желонкина Ю.Н., Южакова И.О. Буллинг в школьной среде и его профилактика // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №64-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bulling-v-shkolnoy-srede-i-ego-profilaktika>

Хертуев Роман Юрьевич

*кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

ПРАВОВЫЕ АКТЫ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Согласно части 2 статьи 37 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [1] должность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации учреждается в целях обеспечения дополнительных конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина на территории субъекта Российской Федерации. Таким образом, в системе органов публичной власти уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации выполняет ярко выраженную правозащитную функцию.

Правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации устанавливается Федеральным законом от 18 марта 2020 года № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 48-ФЗ), конституцией (уставом) и законом субъекта Российской Федерации.

Одним из направлений деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации является участие в совершенствовании нормативных правовых актов в части защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, из статьи 13 Федерального закона № 48-ФЗ следует, что уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации вправе направлять органам публичной власти предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина. Кроме этого, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации может быть наделен правом законодательной инициативы в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

Таким образом, правотворческая компетенция уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации юридически сводится к двум основным формам:

- 1) инициирование принятия закона субъекта Российской Федерации;
- 2) направление в правотворческий орган предложения по принятию нормативного правового акта.

Результатом реализации указанных полномочий будет принятие нормативного правового акта каким-либо органом публичной власти. Таким образом, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации не обладает собственными правотворческими полномочиями, а фактически выступает лишь инициатором принятия нормативных правовых актов. В большей степени это обусловлено спецификой должности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, как органа, выполняющего, в первую очередь, правозащитные функции.

Вместе с тем, в Федеральном законе № 48-ФЗ ничего не говорится о возможности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации принимать собственные правовые акты. В этой связи полагаем необходимым провести анализ нормативных правовых актов, устанавливающих возможность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации издавать собственные правовые акты.

Если обратиться к законам субъектов Российской Федерации о правовых актах субъектов Российской Федерации (о нормативных правовых актах, о правотворчестве, о правотворческой деятельности), то можно заметить, что в соответствии с указанными законами правовые акты уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации не включены в систему правовых актов субъекта Российской Федерации. Лишь Законом Иркутской области от 12 января 2010 года № 1-оз «О правовых актах Иркутской области и правотворческой деятельности в Иркутской области» [3] предусматривается, что Уполномоченным по правам человека в Иркутской области вправе издавать собственные правовые акты.

Однако, если обратиться к профильным законам субъектов Российской Федерации об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, то можно увидеть, что, хотя не во всех субъектах Российской Федерации уполномоченные по правам человека наделены полномочием по изданию правовых актов, но в каких-то субъектах Российской Федерации имеется указание на возможность издания таких правовых актов.

Так, в большой группе законов субъектов Российской Федерации (Московская область, Воронежская область, Калужская область, Костромская область, Липецкая область, Архангельская область, Псковская область, Республика Адыгея, Астраханская область, Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Ставропольский край, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Саратовская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Новосибирская область, Омская область, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Амурская область) установлено, что уполномоченные по правам человека в указанных субъектах Российской Федерации издают такие правовые акты, как распоряжения.

В другой группе законов субъектов Российской Федерации (Хабаровский край, Приморский край, Алтайский край, Самарская область, Кировская область, Пермский край, Удмуртская Республика, Краснодарский край, Республика Калмыкия, Новгородская область, город Санкт-Петербург, Ярославская область, Смоленская область, Владимирская область) установлено, что уполномоченные по правам человека в данных субъектах Российской Федерации издают приказы.

Наконец, в небольшой группе законов субъектов Российской Федерации (Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Татарстан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия) устанавливается, что уполномоченные по правам человека в данных субъектах

Российской Федерации могут издавать как приказы, так и распоряжения. Уполномоченный по правам человека в Мурманской области праве издавать приказы (распоряжения) [4].

Приведенные выше примеры показывают, что в значительной части субъектов Российской Федерации уполномоченные по правам человека наделены полномочиями по изданию собственных правовых актов. В связи с этим возникает несколько вопросов, требующих своего разрешения в рамках настоящей статьи.

Для начала необходимо определиться с тем, могут ли уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации принимать нормативные правовые акты. На первый взгляд, напрашивается очевидный ответ с отрицательным содержанием, поскольку деятельность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации направлена на защиту прав человека.

Однако практика некоторых субъектов Российской Федерации (Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Татарстан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Мурманская область), в которых уполномоченные по правам человека праве издавать два вида правовых актов (приказы и распоряжения) наталкивает на мысль, что один из указанных видов правовых актов, очевидно, является нормативным, а другой вид правового акта – индивидуальным. В обратном случае пропадает необходимость выделения двух видов издаваемых правовых актов.

Кроме того, например, в Иркутской области принято несколько распоряжений Уполномоченного по правам человека в Иркутской области³, которые по своему содержанию являются нормативными. Аналогичные примеры нормативных правовых актов уполномоченных по правам человека встречаются и в иных субъектах Российской Федерации

Таким образом, можно сделать вывод, что уполномоченные по правам человека в субъекте Российской Федерации могут издавать не только индивидуальные правовые акты, но и правовые акты, обладающие признаком нормативности, т.е. нормативные правовые акты. При этом, по нашему мнению, форма правового акта (приказ или распоряжение) не влияет на нормативность правового акта уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. Иными словами уполномоченные по правам человека в субъекте Российской Федерации могут издавать нормативные распоряжения.

Логически возникает еще один важный вопрос, требующий своего разрешения – это вопрос о пределах правового регулирования правовых актов уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, т.е. по каким вопросам могут приниматься такие правовые акты. По данному вопросу в субъектах Российской Федерации сложилось несколько подходов.

В отдельных субъектах Российской Федерации не устанавливаются вопросы, по которым могут приниматься правовые акты уполномоченного по правам человека. Так, в законе Республики Хакасия [5] и законе Алтайского края [6] устанавливается право уполномоченного по правам человека издавать правовые акты без указания на какие-либо пределы.

3* См., например: распоряжение Уполномоченного по правам человека в Иркутской области от 27 июня 2022 года № 8 «Об утверждении Положения о сроках и порядке работы конкурсной комиссии для проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Иркутской области (включение в кадровый резерв) в аппарате Уполномоченного по правам человека в Иркутской области и Методике проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Иркутской области (включение в кадровый резерв) в аппарате Уполномоченного по правам человека в Иркутской области» // Областная. 2022. 22 июля; распоряжение Уполномоченного по правам человека в Иркутской области от 22 октября 2021 года № 22 «Об утверждении политики Уполномоченного по правам человека в Иркутской области в отношении обработки персональных данных» // Областная. 2021. 2 ноября.

Однако в преобладающем большинстве законов субъектов Российской Федерации устанавливается положение, в соответствии с которым уполномоченный по правам человека принимает правовые акты по вопросам, связанным с руководством (деятельностью) аппарата.

В некоторых законах субъектов Российской Федерации (например, в Московской области, Мурманской области, Псковской области, Республика Марий Эл, Ханты-Мансийский автономный округ, Кемеровской области) можно встретить положение, в соответствии с которым уполномоченный по правам человека издает правовые акты по вопросам, отнесенным к его полномочиям (по вопросам своей деятельности). В Костромской области [7] уполномоченный по правам человека издает правовые акты по вопросам, связанным с руководством государственного органа и его деятельностью.

Из приведенных положений следует, что правотворческая компетенция уполномоченного по правам человека ограничена локальным правотворчеством, что, по нашему мнению, является правильным и логичным.

Во-первых, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации является самостоятельным государственным органом, который хотя и не входит в систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации, но включается в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Организационная, функциональная и финансово-материальная самостоятельность любого государственного органа предполагает необходимость издания правовых актов, как минимум организационных (индивидуальных) правовых актов.

Во-вторых, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8] является представителем нанимателя для государственных гражданских служащих аппарата уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. В свою очередь осуществление функций представителя нанимателя также требует принятия различных правовых актов.

Таким образом, право уполномоченного по правам человека издавать правовые акты не является каким-то уникальным правом, а является скорее вынужденной мерой, необходимой для нормального обеспечения деятельности государственного органа.

В этой связи выглядит обоснованным установление в законах субъектов Российской Федерации положений, в соответствии с которыми правовые акты уполномоченного по правам человека принимаются исключительно по вопросам, связанным с руководством или деятельностью аппарата.

Список источников

1. Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.
2. Федеральный закон от 18 марта 2020 года № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1640.
3. Закон Иркутской области от 12 января 2010 года № 1-оз «О правовых актах Иркутской области и правотворческой деятельности в Иркутской области» // Областная. 2010. 20 января.
4. Закон Мурманской области от 12 ноября 2012 года № 1529-01-ЗМО «Об Уполномоченном по правам человека в Мурманской области» // Мурманский Вестник. 2012. 20 ноября.
5. Закон Республики Хакасия от 9 июля 2010 года № 63-ЗРХ «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Хакасия» // Вестник Хакасии. 2010. 14 июля.
6. Закон Алтайского края от 15 октября 2020 года № 67-ЗС «Об Уполномоченном по правам человека в Алтайском крае» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 2020. 16 октября.
7. Закон Костромской области от 29 декабря 2010 года № 24-5-ЗКО «Об Уполномоченном по правам человека в Костромской области» // СП - нормативные документы. 2010. 31 декабря.
8. Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

Чуксина Валентина Валерьевна

*доктор юридических наук, профессор
член Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Иркутской области*

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Почти вся история человечества связана с развитием принципа уважения прав человека. С момента принятия «ооновских» принципов и норм в области прав человека, и тем более сегодня, ни одно государство в политико-правом смысле не отрицает их актуальность и значимость. В современном мире демократическое государство законодательно должно закрепить свои обязанности признавать, соблюдать и защищать основные права и основополагающие свободы человека. Как отмечает Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека, гражданские, культурные, экономические, политические и социальные права, также как и право на развитие, являются взаимоувязанными и развиваются как единое целое. Независимо от того, насколько свободны люди в выражении мнений и протестов, они не могут быть действительно свободны, если испытывают недостаток продовольствия, не могут получить образование или не имеют соответствующего жилья. Обратное также верно. Общества, в которых люди имеют доступ к фундаментальной социальной защите, экономическим ресурсам и благоприятным возможностям, менее уязвимы в отношении социальных потрясений и распространения экстремизма. Права человека создают важные для устойчивого развития условия [1]. Россия, ратифицировав основополагающие международные соглашения в области прав и свобод человека и гражданина (например, Пакт о гражданских и политических правах, Пакт об экономических, социальных и культурных правах и др.), создала реальные возможности для развития разветвленного механизма защиты прав граждан, который является одним из необходимых факторов становления гражданского общества.

Действующей Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации [2]. Общеизвестно, что основным принципом гражданского общества является приоритет прав человека в его

взаимоотношениях с обществом и государством, поэтому формирование свободной и ответственной личности, знающей свои права и соответствующей реалиям XXI века, необходимо начинать с самых ранних ступеней воспитания и образования. Ведь недаром издавна признается, что одним из важных элементов защиты прав человека является расширение осведомленности населения в отношении своих прав и способов их защиты.

Безусловно, право знать свои права – одна из фундаментальных гарантий прав человека. И именно поэтому вопросы реализации этого права являются предметом особого внимания международного сообщества с тех пор, как права человека стали получать закрепление в международных документах. Организация Объединенных Наций с момента своего создания активно содействует реализации права каждого знать свои права. Ряд заключенных в рамках ООН международных договоров по правам человека закрепляет обязательства государств-участников по широкому информированию об их принципах и положениях. В настоящее время мы можем говорить о том, что в России заложен серьезный правовой фундамент в области прав человека, в первую очередь, это – принятие Конституции РФ и ратификация Россией ряда основополагающих международных соглашений, как было отмечено выше. Но, тем не менее, у нас встречаются отдельные нарушения прав и свобод человека и гражданина (см., например, доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации) и одной из основных причин данных нарушений является то, что у подавляющего большинства населения на фоне правового нигилизма отсутствует элементарное знание своих прав, так как когда люди начинают рассуждать о чем-то, они весьма часто опираются на набор клише и убеждений.

Нельзя не согласиться со словами Президента РФ Владимира Путина, что надежная защита прав и свобод россиян, а также укрепление правопорядка являются базовым условием развития страны как суверенного правового государства [3]. В этом смысле права человека выступают в качестве соединительной ткани между интересами граждан и законностью, между правовым государством и гражданским обществом. Поэтому популяризаторская и просветительская деятельность в области прав человека должна охватывать: информирование общественности о международных стандартах прав человека, о национальных и международных органах, защищающих права и свободы, профессиональную подготовку в области прав человека (врачей, учителей, должностных лиц и др.), организацию дискуссий по различным вопросам в области прав человека, организацию семинаров, оказание консультативных услуг населению, а также мониторинг состояния прав человека в стране и регионах, и др.

К процессу повышения правовой культуры и правового просвещения в области прав человека должны подключаться все структуры, как государственные, так и негосударственные. И сегодня ведущую роль в этом процессе должны играть именно юристы.

Безусловно, юридическая помощь эффективна при наличии профессиональных знаний, умений и навыков. Поэтому одной из важных задач юридической подготовки студентов является формирование профессиональных компетенций как показателя мастерства юриста.

В широком смысле компетенции – это система интеллектуальных, психологических, моральных и деятельных качеств специалиста, отражающих уровень приобретенных знаний, навыков, умений, информационной насыщенности и других свойств в конкретной сфере профессиональной деятельности. Компетенции включают ряд аспектов:

1) гносеологический - предполагает наличие определенных знаний, необходимых для выполнения профессионального долга, постоянное их обновление, совершенствование. Юрист должен следить за новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и практики, которые относятся к сфере его профессиональной деятельности, с тем, чтобы соответствовать требованиям времени;

2) нормативный - представляет собой объем полномочий юриста-специалиста или должностного лица, установленных законом или уставом органа (организации);

3) функциональный - выражается в способности юриста действовать, выполнять свои профессиональные обязанности на основе правовых знаний, опыта, высоких моральных принципов.

Компетенции подразделяются на универсальные и специальные (общепрофессиональные и профессиональные). Если универсальные компетенции характеризуют уровень интеллектуальных способностей (мышления, понимания, рефлексии и т.д.) и коммуникативных способностей в сфере человеческой деятельности, то профессиональные компетенции юриста – показатель его профессиональной культуры и мастерства.

Для формирования данных компетенций юристов активно используются как традиционные, так и оригинальные методики. Наряду с традиционным – информационно-предметным и практико-ориентированным клиническим обучением юристов сегодня как никогда актуальным является формирование, в широком смысле слова, специализированной культуры защиты прав человека.

В качестве примера реализации данной задачи можно привести так называемые «юридические клиники», создаваемые на базе университетов. Одна из задач данных клиник – формирование системного подхода к правам человека, т.е. просвещение и обучение студентов в области прав человека, заключающееся в проведении лекционных и практических занятий, ролевых игр, тренингов, мастер-классов и др. План занятий разрабатывается с учетом стандартов прав человека и их защиты. Например, студенты не просто анализируют договоры по правам человека: Конвенцию о защите прав инвалидов и Факультативный протокол к ней, а также Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, а предлагают проекты для их эффективной реализации.

На практических занятиях студенты учатся составлению заявлений (жалоб) как в российские, так и международные органы по защите прав человека. Принципиальная задача – научить не просто давать юридическую консультацию или составлять жалобу, а именно определить проблему, связанную с нарушением права и предложить наиболее оптимальные варианты ее решения. Сам процесс проведения подобных занятий предполагает развитие аналитико-синтезирующего подхода к правам человека. Например, студентам предлагается рассмотреть вопросы типа «какие аспекты прав человека связаны с проблемой дискриминации на основе религии?». Поиск аргументированного ответа заставляет их обратиться к целому ряду прав, включая, право на свободу мысли, совести, религии и убеждений; равенство перед законом; недопустимость использования религии и убеждений для целей, противоречащих Конституции РФ, законодательству РФ, международным договорам по правам человека и др.

Также студентам разъясняется, что одним из главных моментов их профессиональной деятельности является профессиональная этика юриста, которая объединяет регулятивные возможности морали и права, в силу чего ее требования являются наиболее детально разработанными, отражаясь в кодексах различных отраслей, в процессуальных нормах, в правилах деятельности полиции, прокуратуры, адвокатуры, судебных работников, сотрудников исправительных учреждений. Наиболее общим принципом правовой этики можно считать признание самоценности человека, тогда как закон и его применение представляют лишь инструментальную ценность. После знакомства с основополагающими принципами, разработанными ООН для различных юридических профессий, которые во всех случаях практически одинаковы и касаются главным образом обязательств представителей соответствующей юридической профессии по отношению к отдельным клиентам или пациентам, к обществу в целом, а также к своим коллегам для поддержания профессиональной чести, студенты пытаются сопоставить принципы с российской действительностью. Это самый сложный момент занятий, но именно он заставляет будущих судей, прокуроров, адвокатов и др. осмыслить роль и значение этических норм в иерархии профессиональных компетенций юриста.

В качестве прекрасного примера сотрудничества Байкальского государственного университета и Уполномоченного по правам человек в Иркутской области в сфере правового просвещения можно назвать мастер-класс «Механизмы защиты прав человека или защити свои права», который был проведен 19 октября 2022 года в рамках фестиваля науки кафедрой правового обеспечения национальной безопасности. Приглашенным экспертом выступила главный консультант аппарата Уполномоченного по правам человека в Иркутской области Цыганова Людмила Юрьевна, подробно рассказав студентам про данный правозащитный институт и как правильно обратиться с жалобой. Кроме того, доцент кафедры Приходько Татьяна Викторовна провела ликбез о том, какими правами и свободами человек обладает и куда обратиться за защитой своих прав в случае их нарушения. Подробно раскрыты требования, предъявляемые к жалобам в Конституционный Суд Российской Федерации и Комитет ООН по правам человека, описан процесс разбирательства в указанных инстанциях.

Анализируя данную работу, можно сказать, что она является той формой обучения в области прав человека, которая означает переход от предметно-информационного к креативно-развивающему типу обучения, позволяя органично сочетать теоретические знания и практические навыки, формирование профессиональных компетенций и профессиональной этики юриста.

Список источников

1. УВКПЧ ООН / URL: <https://www.ohchr.org/ru/about-us/what-we-do/our-roadmap/advancing-sustainable-development-through-human-rights>
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
3. URL: <https://360tv.ru/news/obschestvo/putin-nazval-bazovoe-uslovie-razvitija-rossii-kak-suverennogo-pravovogo-gosudarstva/>